

г е т е к т и в н а ш п и л ь к а х

елена ЛОГУНОВА

Снегурка
быстрой заморозки

Елена и Ирка

Елена Логунова

Снегурка быстрой заморозки

«ЭКСМО»

2005

Логунова Е. И.

Снегурка быстрой заморозки / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2005 — (Елена и Ирка)

В жизни тележурналистки Елены внезапно наступила черная полоса. На балконе засох редкий цветок, в почтовом ящике обнаружались отрезанные косы пропавшей подруги Ирки, а в телефонной трубке слышен противный голос предводителя преступников. Кому это нужно – красть Ирку, могучую даму, способную в одиночку уложить роту спецназа? Ответа на этот вопрос, похоже, не знают и сами похитители! В виде выкупа они желают получить непонятное «чужое добро», и именно Елена должна найти требуемое в огромном Иркином доме. А там партизанит бесхозная собака, орудует приблудившийся подозрительный родственничек и шныряют алчные преступники. Елена готова отдать им что угодно, лишь бы спасти Ирку! Эврика! Она решает поменять на подружку кстати подвернувшуюся редкую марку – «Голубую Булабонгу»! А если враги предполагали получить что-либо другое, так у них есть еще выбор – страшная месть двух разгневанных женщин или прямая дорога на Колыму!..

Содержание

Суббота	5
Воскресенье	11
Понедельник	28
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена ЛОГУНОВА

СНЕГУРКА БЫСТРОЙ ЗАМОРОЗКИ

Суббота

Телеграмма была короткая и непонятная: «Даю добро вскл номер 8918121314 тчк шеф».

– «Даю добро» – это значит «разрешаю»? – спросил Григорий.

Кого он спросил, было непонятно, Леонид и Сергей смотрели на телеграфный бланк с разинутыми ртами, и на лицах их читалась глубокая и бесперспективная задумчивость. Услышав версию Григория, братья встрепенулись.

– А что разрешаю? – вопросительно пискнул Сергей, переворачивая телеграмму, словно надеясь найти на обороте расшифровку загадочного сообщения.

– А кто разрешает? – переиначил вопрос Леонид. – Сашка, что ли? Почему это он «шеф»?

– Потому, что он – старший, – рассудительно ответил Гриня.

– Конечно, старший! – обиженно повторил Леонид. – Подумаешь, на пять минут раньше родился! Нет уж, кому как, а мне он не шеф!

Братья Пушкины появились на свет попарно: сначала Александр и Леонид, а тремя годами позже – Сергей и Григорий. Старший Пушкин, названный амбициозными родителями Александром, с малых лет старательно культивировал в себе тягу к литературному творчеству, даже стихи писал, но перещеголять тезку пока не сумел и поклонников своего поэтического таланта до сих пор не нашел. Наиболее популярным в узком семейном кругу произведением Александра Ефимовича Пушкина был переиначенный шуточный стишок, исторически принадлежащий перу Александра Сергеевича Пушкина. Это был рифмованный клич, которым великий русский поэт созывал своих детишек: «Сашка, Машка, Гришка, Наташка!» В случае простого русского слесаря-станочника Ефима Пушкина, в условиях полного отсутствия в семействе дочек, призыв звучал как «Сашка, Лешка, Гришка, Сережка!». Причем Леонид на «Лешку» откликался очень неохотно, требуя его замены на «Леню», но тогда был недоволен Сергей, которому решительно не нравилось уменьшительное «Сереня». Это имя казалось ему пренебрежительным, а Сергей болезненно переносил малейшие проявления неуважения к собственной персоне.

Сереня был нервным и обидчивым, потому что какие-то гормональные нарушения в организме не позволили ему обрести такую мужественную внешность, как у прочих парней Пушкиных: в свои восемнадцать младшенький Пушкин выглядел подростком и имел тонкий писклявый голос, хотя его брат-двойняшка Гриня вымахал под два метра и басил, как Шаляпин. Правда, близнецами Гриня и Сереня и так не были, это старшие, Сашка и Лешка, уродились один в один.

– Номер восемь, девять, один, снова восемь, – забормотал Гриня, озвучивая прописанные в телеграмме цифры. – Номер – это понятно. Непонятно только, номер чего?

– Может, номер банковского счета? – предположил Лешка. – Сашка же вроде на зарботки подался?

В этот момент в кармане у Серени дурным голосом заблеял сотовый телефон. Гриня, не ожидавший ничего подобного, отпрыгнул в сторону и схватился за сердце.

– У, тварь! – выдохнул он, с опаской глядя на мемекающий мобильник, который Сереня торжествующе извлек из кармана, злорадно ухмыляясь в сторону напуганного братца.

Наслаждаясь испугом дюжего братца, Сереня дал козлоголосому мобильнику как следует прокричаться и в результате упустил звонок.

– Ну и ладно, – пискнул он, снова заталкивая аппарат в карман подростковых джинсов. – Кому надо, тот перезвонит.

– Телефон! – торжествующе вскричал вдруг Леонид.

– Что телефон? – неприязненно переспросил Гриня.

– Номер восемь, девять, один, дальше не помню – это телефон! – заявил Леонид.

Он обвел победным взглядом уважительно замолкших братьев и повторил:

– Сашка сообщил нам в телеграмме номер какого-то телефона. Спрашивается, зачем?

– Зачем? – эхом повторил Гриня.

– Чтобы навести нас на след!

– Чей? – чирикнул Сереня.

– На след добра! – Леонид широко улыбнулся.

– Какого добра?

– Какого-то! Ну, что еще вам непонятно? Сашка хочет передать нам какое-то добытое им добро. Что-то ценное! Очевидно, сейчас это добро находится у того, кому принадлежит мобильный телефон с номером восемь, девять, один, как там дальше?

– Восемь, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, – подсказал Гриня, заглянув в бумажку. – Ленчик, а почему Саня просто не написал: «Пойдите туда-то и возьмите там то-то?»

– А то ты Саню не знаешь? – пожал плечиками Сереня.

Саню братья знали хорошо. Помимо предрасположенности к стихотворчеству, старший Пушкин обладал непреодолимой склонностью к авантюрам и постоянно влипал в какие-то криминальные истории. Санино уклончивое «отправился на заработки» могло означать все, что угодно: от разбоя на большой дороге до возведения финансовой пирамиды из подручных строительных материалов. Таким образом, Санино желание утаить от посторонних все подробности, касающиеся способа приобретения и самого характера неведомого «добра», вполне можно было понять. А тот факт, что брательник прислал зашифрованную телеграмму вместо того, чтобы толком рассказать братьям, что к чему, при встрече или хотя бы по телефону, с большой вероятностью означал, что Саня в своих действиях несвободен. Поскольку старший брат то и дело рисковал загреметь в места не столь отдаленные, его нынешняя несвобода вполне могла продолжаться пару-тройку лет. Рассудительный Леня полагал неразумным дожидаться личной встречи со своим близнецом.

– Дай-ка сюда мобилку, – повелительно сказал Леонид, протягивая руку к Серене.

– Свою заведи, – буркнул тот, но телефон из кармана достал и вложил в ладонь старшего.

– Леня, а кому ты будешь звонить? – с интересом спросил Гриня, жизненные силы которого в основном уходили на поддержание физической активности большого организма, так что на умственную деятельность почти ничего не оставалось.

– Бронтозавр, – почти ласково ответил ему Сереня. – Ежу понятно, куда он звонит: по номеру с телеграммы!

– Ежу, может, и понятно, – немного обиженно проворчал Гриня.

– Тихо! – рывкнул на братьев Леонид, с трубкой у уха ожидающий соединения с нужным номером.

Ожидание длилось несколько секунд, и за это время Леня успел радикально изменить выражение лица и тембр голоса.

– Алло? – донесся из трубки женский голос.

Улыбаясь, как сытая акула, Леонид глубоким голосом оперного певца пробасил:

– Здравствуйте, уважаемый абонент! Вас приветствует операторская компания «Мобильный мир»! С удовольствием сообщаем вам, что ваш телефонный номер участвовал в розыгрыше подарков среди абонентов нашей компании и выиграл главный приз!

– А какой у нас главный приз? – шепотом спросил у Серени простодушный Гриня.

Чтобы не мешал слушать, братец молча пнул его ногой, дотянувшись только до голеностопа.

– Какой приз? – словно услышав подсказку, повторила баба в трубке.

– Большой и красивый! – интригуяще ответил Леонид, на ходу придумывая, что бы такого большого и красивого пообещать победительнице мифического розыгрыша. – Новый телевизор! Вы готовы его получить?

– Всегда готова! – радостно отрапортовала женщина.

– Щас, разбежалась! – прошипел в сторону вредный Сереня.

– За-амечательно! Будем ждать вас завтра в семнадцать ноль-ноль у нас в центральном офисе на Школярской, – кивнул Леонид. – Знаете, где это? Прекра-асно!

– Ва-асхитительно! – передразнил брата несносный Сереня.

– На чье имя мне выписать пропуск? – Леонид задал главный вопрос и весь обратился в слух.

– На мое: Максимова Ирина Иннокентьевна, – не подозревая подвоха, отозвалась его простодушная собеседница.

– Чу-удесно! – искренне обрадовался Леонид. – Буду с нетерпением ждать нашей встречи!

Он выключил трубку, убрал с лица полнозубую улыбку и уже совсем другим, жестким и деловитым, голосом обратился к братьям:

– Задачу поняли?

– Че, надо ей телевизор купить? – наморщил низкий лоб Гриня.

– Какой телевизор?!

– Новый, – припомнил Гриня. – Большой и красивый.

– Большой и тупой! – не выдержал нервный и злобный Сереня. – Не телевизор нам надо искать, а эту бабу с мобилкой! Как ее там? Максимову Ирину Иннокентьевну.

– Бегом в Горсправку, – распорядился Леонид, принявший на себя командование парадом. – Найти в картотеке бабу, получить ее адрес. Потом будем думать дальше.

Муниципальная справочная служба не подвела: Ирину Иннокентьевну, спасибо редкому отчеству, нашли быстро.

Размахивая бумажкой с записанным на ней адресом, повеселевший Сереня то и дело высовывался в окошко такси, чем вызывал неприкрытое неудовольствие водителя.

В Пионерский-2 ворвались с пылью, шумом и гамом, едва не задавив переходившую дорогу курицу.

– Останови здесь, – велел шоферу Леонид, когда машина поравнялась с небольшим озерцом, окруженным плотной стеной камыша. – Дальше мы сами. Пешком пойдем. Свежим воздухом подышим.

Простодушный Гриня, поняв слова старшего брата буквально, распахнул дверцу, глубоко вздохнул и закашлялся. «Свежий воздух» состоял по большей части из едкого дыма: метрах в пяти от остановившейся машины чадил костер, в который бабка самого сельского вида то и дело подбрасывала охапки сухой травы и ветки. Услышав кашель, старуха обернулась и приветливо помахала задыхающемуся Грине секатором.

Явно не желая, чтобы его вместе с транспортом тоже окуривали вонючим дымом, таксист без задержки произвел расчет и быстро укатил в сторону высоток Пионерского-1, которые белели в отдалении, как снежные горы. Братья остались на дороге.

– Ну, куда теперь? – спросил Сереня, нетерпеливо переминаясь с одной ножки тридцать седьмого размера на другую такую же.

– Теперь туда, – оглядевшись, скомандовал Леонид, который всю дорогу внимательно изучал прилепленные к заборам таблички с названиями улиц и номерами домов.

Братья построились в шеренгу по одному и зашагали прочь от бабки с кострищем. Сереня, который не желал тащиться в хвосте процессии, потому что видел в этом очередное ущемление своего человеческого достоинства, рысил первым, и очень резво, так что на подходе к нужному участку Леониду пришлось придержать брата, схватив его за подол рубашечки.

– Замри, – коротко бросил Леня.

Гриня послушно замер посреди дороги на одной ноге. Сереня, оскорбленный бесцеремонностью, с которой было прервано его целенаправленное движение, вырывался и возмущенно пищал.

– Цыц, – сказал ему Леонид. – Давайте составим план действий.

Встав в кружок, братья склонили головы и издали стали похожи на участников команды КВН, обсуждающих полученный от соперников каверзный вопрос. Однако при ближайшем рассмотрении общее для всех трех лиц выражение беспросветной задумчивости решительно не позволяло заподозрить в троице компанию веселых и находчивых.

Ирина сидела на мягкой зеленой травке под вишней, ветви которой были густо усыпаны спелыми ягодами. Вишня была карликовая, а Ирка – вовсе наоборот, поэтому ей без труда удавалось срывать ягоды, не вставая с места, просто поднимая вверх руку.

Темно-красные вишенки лопались от спелости и были сладкими. Ирка готова была лопнуть от переполнявших ее чувств, и по ее лицу, вот уже полтора часа хранящему одно и то же, абсолютно несчастное, выражение, катились горькие слезы. Кобель Томас, погрузившийся в скорбь и уныние из солидарности с хозяйкой, периодически поднимал вверх морду и норовил лизнуть мокрую Иркину щеку своим не менее мокрым языком.

Причиной Иркиных страданий был любимый супруг Моржик, в данный момент отсутствующий. Приблизительно девяносто минут назад он ушел из дома, шумно хлопнув дверью и еще более шумно – металлической калиткой. Направление движения мужа Ирка могла отследить только до ближайшей лесополосы, за которой проходила дорога, отграничивающая недостроенный микрорайон частных домов Пионерский-2 от вполне обжитого Пионерского-1. Маршевым шагом, размахивая руками, Моржик вошел в лесополосу и скрылся с глаз жены, выглядывавшей из окна второго этажа с биноклем. После этого Ирка в сердцах бросила оптический прибор в ближайшее кресло, сама бросилась на пол и безостановочно рыдала минут тридцать, периодически самокритично приговаривая: «Дура я, дура!»

Нелестная самохарактеристика была оправданна. До белого каления вкупе с желанием уйти, хлопнув дверью, Моржика довела сама Ирка.

Поводом для небывало бурной семейной сцены послужил звонок какой-то бабы, имевшей наглость попросить к телефону Сергея Петровича – так в миру звали Моржика. Свинство заключалось в том, что эта особа нахально позвонила на Иркин мобильник и наотрез отказалась представиться и объяснить суть своего дела к Сергею Петровичу! Разозлившись и взревновав, Ирка без долгих разговоров отрубилась свой сотовый и пошла выжимать информацию из супруга, который в тихий послеобеденный час мирно дремал на диване перед работающим телевизором. На беду, забытый видик показывал «Греческую смоковницу» – фильм, который Ирка решительно не желала признавать классикой мирового кинематографа, почитая за обыкновенную гнусную порнуху. Возмущение жены достигло высшего градуса, и бедняга Моржик был разбужен ударами мокрого кухонного полотенца, коим до звонка незнакомой наглой дряни Ирка спокойно вытирала свежевывмытую посуду.

Последовавшая затем семейная сцена включала в себя крики, вопли, ругань, битье посуды, швыряние куда попало разных подручных предметов и рукопашный бой, причем орала, портила имущество и мутузила родного человека все тем же полотенцем исключительно Ирка. Моржик, спросонья не сумевший перехватить ни полотенце, ни вообще инициативу, сначала пытался что-то объяснить, потом понял, что его не слышат, и употребил все свои силы,

ловкость и изворотливость на то, чтобы свести к минимуму число попаданий в него предметов кухонной утвари и домашнего обихода. В финале шумной мизансцены под условным названием «Жизнь итальянских кварталов» Моржик ловко поймал летящий в него баллон с солеными огурцами, почти сразу выронил его, в наступившей тишине громко вскричал: «Дура!», повернулся и ушел, шарахнув дверью о косяк с такой силой, что пупырчатые огурцы в луже рассола на полу запрыгали, как живые лягушки.

И вот теперь Ирка сидела под вишней с видом на калитку, орошая слезами взъерошенный собачий загривок и гадая про себя, куда пошел Моржик и когда он вернется.

Деликатный стук в ворота заставил ее подскочить, при этом Ирка стукнулась макушкой о низкую ветку вишни и наступила на лапу Томке, но не обратила на это никакого внимания. Через секунду она уже неслась к воротам, сопровождаемая прихрамывающим псом.

– Ты вернулся! – Ирка распахнула калитку настежь и приготовилась броситься на шею блудному мужу.

– Здрасьбь, – вякнул в ответ незнакомый парнишка, опустив занесенную для повторного стука руку и попятившись.

– Ой! Ты кто такой? – Ирка резко затормозила, и Томка ткнулся башкой ей под коленки, едва не обрушив стокилограммовую хозяйку себе на спину. – Чего тебе надо?

– Это вы Ирина Иннокентьевна? – спросил пацан. – Я к вам от шефа, за посылочкой.

– За какой посылочкой? – не поняла Ирка.

– Так это вам виднее, за какой именно, – заискивающе улыбнулся парнишка.

Ирка задумалась. Поскольку товар для их с Моржиком торгового предприятия частенько приходил из-за рубежа, друзья-приятели, имеющие в Германии, Голландии и Польше любящих родственников, нередко получали с фурами «Нашего семени» различные посылки, но всякий такой случай специально оговаривался. Никаких не врученных адресатам почтовых отправлений Ирка за собой не помнила.

– Шеф нам телеграмму прислал, велел забрать у вас наше добро и оставил для связи ваш телефончик и имя: Ирина Иннокентьевна, – видя, что хозяйка дома озадачена, Сереня попытался ей помочь.

Насчет того, что в телеграмме было Иркино имя, он, конечно, приврал, но лишь для пущей убедительности.

– А почему я об этом ничего не знаю? – Ирка насупилась, предположив, что Моржик забыл или не захотел ее проинформировать. – Вы там за моей спиной что-то решаете, а меня кто предупредит – Пушкин?

– Пушкин, – кивнул Сереня, шаркнув ножкой. – Сергей Пушкин!

– А разве не Александр? – удивилась Ирка, которая не очень хорошо училась в школе, но имя-отчество солнца русской поэзии все-таки запомнила.

– Точно, Александр! – обрадовался Сереня, вообразив, что Ирка говорит о его старшем брате.

«Псих», – подумала Ирка и немного прикрыла калитку.

– Пожалуйста, отдайте мне то, что оставил Александр Пушкин! – не заметив впечатления, произведенного на хозяйку дома упоминанием имени великого поэта, попросил Сереня.

– Вы не донесете, – мягко, чтобы не обидеть умалишенного, ответила Ирка, незаметно нащупывая засов на внутренней стороне калитки.

– Почему? – обиделся Сереня, выпятив куриную грудь.

– Потому что это полное собрание сочинений в четырнадцати томах! – выкрикнула Ирка, захлопывая перед носом ненормального калитку.

Противно проскрежетал засов, угрожающе зарычала собака.

– Идиотка, – тихо выругался Сереня, в бессильной злобе пялясь на неприступную трехметровую ограду, за которой заливался злобным лаем здоровенный пес.

– Идиот, – прошептала по другую сторону забора Ирка, из соображений безопасности потихоньку отступая на высокое крыльцо.

С тех пор как на пятнадцатом километре Ростовской трассы построили комфортабельный пансионат для состоятельных умалишенных, рассказы о беглых психах стали неотъемлемой частью фольклора Пионерского-2.

Сереня еще пару минут бессмысленно потоптался у забора, за которым было тихо, но потом снизу, в щель у самой земли, с намеком высунулась узкая овчаркина морда.

– Блин, – беспомощно выругался Сереня.

Он энергично, но безрезультатно почесал в затылке и потопал к братьям, ожидающим его возвращения в камышах у озера.

– И что теперь? – спросил Гриня, огорченный провалом операции «Отдавай добро похорошему!».

– Либо она ничего не знает, либо просто прикидывается дурой, потому что хочет наше добро прикарманить, – рассудил Леонид. – Думаю, нужно допросить ее с пристрастием.

– Лучше с паяльником, – буркнул Сереня.

– У меня есть паяльник! – оживился Гриня.

– У вас мозгов нету! – отбрил Леонид. – Ворваться в чужой дом с паяльником – это вооруженный грабеж, а нас трое, считай, уже банда! Схлопочем лет по десять на рыло, будем потом добро не для себя, а для родины добывать – на колымских золотых приисках и в урановых рудниках!

– Не пугай, – скривился Сереня. – Я лично не из трусливых. Только в этот дом ворваться, пожалуй, не получится: там забор вроде Кремлевской стены, а во дворе овчарка размером с пони.

– Собака? – заинтересовался Гриня. – А как ее зовут?

– Дебил! – рявкнул злощия Сереня.

– Необычное имя для собаки, – немного удивился Гриня.

– Цыц, братва! – сердито прикрикнул на расшумевшихся младшеньких Леонид. – Есть у меня одна мыслишка, только ее обдумать хорошенько надо, да еще за бабой этой понаблюдать: когда она из дома выходит, по каким маршрутам перемещается... Опять же, надо выяснить, живет ли кто еще в этом доме, кроме нее.

– Ага, живет, – издевательски подтвердил Сереня. – Говорю же тебе: здоровый пес!

– Дебил, – услужливо подсказал Гриня.

– Сам дебил! – моментально завелся Сереня.

– Оба дебилы! – заорал Леонид. – Заткнитесь! Я думать буду.

И он опустил на забытое кем-то в камышах проржавленное ведро, приняв классическую позу роденовского мыслителя.

Воскресенье

– Чего, ну, чего тебе еще надо?! – гневно вскричала я, обращаясь к шипастому кустику, похожему на маленькие олени рожки ядовито-зеленого цвета.

Этот колер отнюдь не радовал мои глаза, подернувшиеся горячей слезой. Кустик, даром что зелененький, был безнадежно мертв: зелеными сухие веточки были исключительно благодаря толстому слою защитного воска, который коркой покрывал кустик от корней и выше.

От чего этот воск призван был защитить растение, я не знаю. Возможно, от поврежденных при транспортировке, или от перепадов температуры, или от вредных насекомых – какая разница? На воцанной корке не было ни царапинки, температура воздуха в начале июня даже ночью не опускалась ниже плюс двадцати, из вредных насекомых на третьем этаже многоквартирного дома мною была замечена только моль, а злосчастное растение все равно засохло. Что за напасть? Уже третий розовый куст загнулся на моем балконе!

В сердцах я несильно пнула дырявую алюминиевую кастрюлю, по всем канонам цветоводства наполненную специальным почвогрунтом на керамзитовой подушке. Засохший кустик, издевательски растопыренный победным знаком «V», качнулся вместе с содержащей его емкостью, которая легонько стукнулась о стоящий рядом пустой трехлитровый баллон. Стеклобанка, с помощью которой я регулярно и тщательно осуществляла полив безвременного ядовито-зеленого насаждения, протестующе звякнула.

– А ты вообще помолчи! – велела я бывшей поливальной банке, орошая засохший кустик скупой слезой.

– Сама садик я садила, сама буду поливать! – донесся с соседнего балкона приторно-сочувственный голос Гоши Куропаткина. – Что, еще одна выющаяся роза в ходе смелого эксперимента превратилась в саксаул? Ну, Елена, ты просто мичуринка!

Искося глянув на издевательски ухмыляющегося соседа, я молча отвернулась.

– Слышь, а это какая роза должна была получиться? – не отставал Гоша.

– Синяя, – угрюмо ответила я.

– Разве бывают синие розы? – Куропаткин изумленно приоткрыл рот, рискуя выронить из него дымящуюся сигарету.

– Похоже, что не бывает, – неохотно согласилась я, с намеком посмотрев на засохший кустик.

– Георгий, чем ты там занимаешься? – донесся из глубины квартиры пронзительный голос Гошиной жены Марины.

– Курю, – коротко ответил Куропаткин.

– Знаю я, как ты куришь! – Ревнивая Марина высунула голову в проем балконной двери и в упор посмотрела на мои ноги в коротких шортах.

Соседка откровенно недолюбливает меня за манеру выскакивать на открытый балкон в некомплектных костюмах, расценивая это как попытки соблазнения ее благоверного. Как будто я виновата в том, что дождь неожиданно начинается именно тогда, когда я развешу белье для просушки, и приходится выпрыгивать на балкон в чем есть и в чем нет!! А синьор Куропаткин днем и ночью торчит на балконе с сигаретой в зубах, дожидаясь, пока я устрою очередную демонстрацию облегченных домашних одеяний!

– Георгий, живо в дом! – велела Гоше тощая длинноногая Марина, с ее нездоровым бурячно-коричневым загаром огородницы похожая на Буратино, вырезанного из полена красного дерева и по недосмотру подслеповатого папы Карло наряженного в пестрый бабий халат. – Ужинать будем!

В подтверждение своих слов мадам Куропаткина выдвинулась из кухни на балкон с дымящейся сковородой в руках. Увидев раскаленную жаровню, Гоша поспешно отодвинулся на край

балкона, тем самым приблизившись ко мне. Краснодеревянная Марина позеленела, лицо ее со скрипом перекоилось. С интонациями, позаимствованными у лесопильного станка, соседка провизжала:

– Я кому сказ-з-з-зала! – и резко взмахнула сковородой.

Залежавшийся на ней румяный кружевной блин взлетел вверх, перевернулся в воздухе и нарядной тубетейкой накрыл блестящую загорелую лысину Куропаткина. Гоша взвыл, сорвал с головы горячий блинный чепец и швырнул его в Марину. Баба ловко отбила подачу сковородкой, и потрепанный блин комом влип в Гошину волосатую грудь. Гоша взвыл октавой выше и принялся выдирать свою нагрудную шерсть вперемежку с лохмотьями теста, выкрикивая в адрес супруги разные нехорошие слова. Марина не оставалась в долгу, поливая мужа отборной бранью.

– Придурки, – устало сказала я, уходя с балкона в комнату и плотно прикрывая двойную дверь.

В помещении было жарковато, зато тихо. Ну, почти тихо: в прихожей надрывался телефон, истеричный звон которого после Маринино матерного визга казался мне нежным мурлыканьем. Наверное, аппарат трезвонил уже довольно давно, я просто не слышала его, стоя на балконе.

– Ну, наконец-то! – с претензией воскликнул писклявый детский голосок, едва я взяла трубку и раздраженно «аллекнула» в нее.

– Слушаю вас, – сказала я.

– «Слушаю вас!» – передразнил меня Писклявый. – Слушай сюда, корова глупая! Сестричку свою увидеть хочешь?

– Ой, нет, не хочу! – само собой сорвалось с моих губ. – Во всяком случае, не так скоро! Моя вполне взрослая младшая сестра и ее поразительно энергичный пятилетний сын гостили у меня только на прошлой неделе. Сестрица беспрестанно смотрела телевизор, в рекламные паузы бегала на кухню пить чай, потом на балкон – курить, потом в ванную – чистить зубы, а ребенок носился и скакал по дому, как лабораторный шимпанзе, получивший неожиданную амнистию после пары лет безвылазного пребывания в тесной клетке. Сестричка и племянник вызывали у меня стойкое головокружение. Я не могла ни пересчитать снующих по дому женщин и детей, ни уследить за их перемещениями. У меня даже возникло подозрение, а не клонировали ли любимые родственники себя прежде, чем приехать ко мне в гости?

– Не понял? – растерялся Писклявый, явно не ожидавший обнаружить у меня такое вопиющее отсутствие родственных чувств. – Это Елена?

– Я-то Елена, а вы кто будете? – спросила я, уже немного сердясь.

– Не твое собачье дело! – нагло возвестил Писклявый. И тут же начал хвастать: – Мы очень серьезные люди! С нами лучше не ссориться! Хочешь увидеть Ирину Максимову живой – делай, что скажем!

– Максимову? – удивилась я. – Это Ирку, что ли?

Ирка – это моя лучшая подруга, кое-кто даже считает нас сестрами, хотя никакого фамильного сходства между нами нет и в помине: Ирка – могучая рослая дама с роскошными формами, а я лет до двадцати здорово смахивала на шнурок и только к тридцати годам набрала шестьдесят кило при росте в сто семьдесят два сантиметра.

– Вы спрашиваете, хочу ли я увидеть живой Ирку? – наморщив лоб, уточнила я у Писклявого. – Что-то я не понимаю, а почему вообще вопрос ставится подобным образом?

– Потому что мы ее похитили! – важно заявил Писклявый.

– Ой, не смешите меня! – отмахнулась я, действительно начиная смеяться. – Как вы могли украсть шестипудовую тетку? У вас был автопогрузчик? Или подъемный кран?

– Напрасно смеешься, – обиделся Писклявый. – Мы серьезная организация с превосходным техническим оснащением! А твоя тетка отличным образом поместилась в «Газель»!

– Правда? – я продолжала потешаться, полагая, что меня глупо разыгрывают. – А как вы ее туда загнали, дорожным катком или танком?

– Сама залезла! – выкрикнул Писклявый, задетый моими насмешками за живое. – Мы просто угнали маршрутку!

– Угнали маршрутку?! Вы шутите! – я уронила челюсть и замолчала.

Вот слышала я про угоны самолетов и даже автобусов, но угнать маршрутное такси – ей-богу, это очень странный поступок!

– Мы никогда не шутим! – зловеще пискнуло в трубке. – Загляни в свой почтовый ящик, а потом мы снова поговорим!

Трубка вновь запищала, но уже нечеловеческим голосом, сигнализируя об обрыве связи. Некоторое время я сосредоточенно слушала гудки, потом опомнилась и выскочила из квартиры, чтобы сбегать вниз, к почтовому ящику. Распахнула металлическую дверцу бокса с номером своей квартиры, заглянула в его темное нутро и в первый момент не поняла, что там лежит. Вроде похоже на свернувшуюся змею? Я испуганно отшатнулась от ящика, вышла во двор, сломала с дерева рогатую веточку и с этим несерьезным оружием вернулась в подъезд. Вытянула подальше руку и зажатый в ней прутиком потыкала в подозрительный объект.

Змееподобный предмет мягко упал на пол. Я посмотрела, ахнула и двумя руками испуганно зажала себе рот, едва не выколов себе глаз забытым в кулаке прутиком.

На сером бетонном полу подъезда солнечно золотилась длинная рыжая коса, перехваченная на концах веселенькими резиночками с пластмассовыми вишенками.

Косу я узнала сразу, заколки тоже.

Эти симпатичные пасторальные вишенки я самолично приобрела в фирменном магазине «Аксессуары для волос» – отнюдь не для собственной шевелюры, не отличающейся длиной и пышностью, а для подруги, у которой, как у песенной девицы, – «руса коса до пояса».

– Ой, какая прелесть! – приняв безделушку, Ирка зарделась, почти сравнявшись по цвету с вишенками. — У меня были такие заколочки в далекие школьные годы!

Она тут же соорудила прическу с использованием пластмассовых ягод и помчалась к зеркалу – любоваться собой.

– Очень славно, – одобрил красоту жены Иркин супруг Моржик. – Можно еще заплести в косы гирлянду сосисок и повесить на шею ожерелье из бубликов, тогда ты будешь вылитая богиня плодородия. Как ее там? Флора?

– Тогда уж не только Флора, но и Фауна тоже: сосиски-то на деревьях не растут, – заметила я.

Довольная Ирка даже не заметила насмешек. Вишенки понравились ей чрезвычайно, и подруга носила их, снимая только на ночь.

– Ирка, – пробормотала я, поднимая с пола пшеничную косицу.

Коса безжизненно свисала с моих рук, как дохлая змейка. Я жалостливо шмыгнула носом. Что там говорил этот писклявый тип про похищение моей сестры-подруги?

Перепрыгивая через ступеньку, я вернулась в свою квартиру, намереваясь немедленно перезвонить по номеру, который запомнился моему телефонному аппарату последним. Увы, номер моего писклявого собеседника не определился! Я отошла от телефона и высунулась на балкон – глотнуть свежего воздуха и немного успокоиться.

Успокоиться не получилось, потому что на балконе было шумно, как вблизи арены широкомасштабного танкового сражения. В соседней квартире продолжали выяснять отношения несносные Куропаткины. Марина визжала – вдохновенно, безостановочно и задорно, как бензопила лесоруба, выбивающегося в передовики производства, а Гоша время от времени басовито рявкал. Фоном звенела массово бьющаяся посуда, глухо бухали падающие тяжелые предметы и в повторяемой на два голоса и на все лады фразе: «Я тебя убью, скотина!» менялось только последнее слово.

Я тоже стукнула кулаком по перилам балкона, ушибла руку, искала, на ком бы мне сорвать раздражение, и снова уперлась взглядом в засохшую голубую розу, которой так и не довелось дожить до поры своего пышного цветения и, соответственно, посинения.

– Выброшу, – пообещала я колючему сухоостою в кастрюле и потащила емкость с балкона в комнату, а потом в коридор.

Телефон молчал, весело подмигивая мне красными цифирками, не имеющими никакого отношения к номеру телефона Писклявого. Волоча по полу тяжелую кастрюлю, я задом толкнула дверь, выдвинулась на лестничную площадку и вытащила туда же последний приют усопшей розы. Тут победно затрезвонил телефонный аппарат. Я бросила неподъемную кастрюлю под дверь чужой квартиры и в два прыжка вернулась в свою прихожую.

– Где Ирка?! – не своим голосом заорала я на Писклявого, едва он успел вякнуть свое «Алле?».

– Ну, ты даешь! Так мы тебе это и сказали! – противно засмеялся Пискля. – Нашла фрагмент своей сестрички? То-то же, мы шутить не любим! Если не отдашь нам то, что нужно, будешь получать свою Ирку частями. В другой раз ухо пришлем!

– Слушай, почему ты все время говоришь о себе во множественном числе? – не выдержала я. Рассвирепела и тоже перешла на «ты!» – Ты разве августейшая особа?

– Кто?

– Ты? Или тебе нужно говорить «вы»? – издевалась я. – Ладно, твое писклявое величество, говори, чего тебе от меня нужно.

– Добро верни! – взвизгнул Пискля. – Два дня тебе сроку, потом мы уши стричь начнем! Трубка загудела.

– «Мы, Николай Второй!»! – передразнила я отключившегося собеседника. – Уши он будет стричь! Хоть бы толком объяснил, император хренов, какое добро ему нужно!

Надеясь на то, что идиотский разговор с Писклей, пугавшим меня обрезанием Иркиных ушей, есть не что иное, как тупой розыгрыш, я набрала номер домашнего телефона подруги. Трубку никто не брал. Настучала номер Иркиного мобильного – какая-то ехидная девица сообщила мне, что абонент находится вне зоны обслуживания. Я попыталась позвонить на сотовый Моржику, и злобная электронная барышня воспользовалась возможностью повторить свой текст. Тогда я заменила домашние шторы на джинсики, а шлепанцы на босоножки, вздернула на плечо сумку и таким образом приготовилась к походу в отдаленный Пионерский микрорайон, где в большом удобном доме живут Ирка с Моржиком. Авось там я разберусь, что происходит.

Пятилитровая кастрюля со сложносоставным содержимым – камни, песок, земля, розовый сухоцвет – в мое отсутствие переместилась из-под двери Куропаткиных к квартире других моих соседей, стариков Дунькиных. Причину этого загадочного явления я разгадала без особого труда, потому что в подъезде еще звучали отголоски тяжелых шагов. Очевидно, Гоша Куропаткин не выдержал психической атаки супруги и позорно бежал с поля боя. Моя кастрюля перекрывала ему путь к отступлению, и дюжий Гоша походя передвинул ее подальше.

Не успела я запереть дверь своей квартиры, как рядом опять зашумели, – на сей раз у пенсионеров Дунькиных. Сильно пьющий старикан, известный населению нашего дома под прозвищем Дядьвась, буянил в прихожей своей персональной «двушки», призывая громы небесные на головы «проклятых колдунов, по которым плачет осиновый кол». Я затруднялась представить себе истекающую слезами палку, но, на всякий случай, вернулась в квартиру, дожидаясь, пока рвущийся на лестничную площадку невменяемый Дядьвась будет увлечен старушкой-супругой в родные пенаты. Кто его знает, вдруг упомянутый осиновый кол уже в руках у пьяного скандалиста!

Дверь на лестницу я осмотрительно прикрыла, поэтому не увидела, как разбушевавшийся Дядьвась размашисто пнул мою кастрюлю, зато услышала последовавший за этим дол-

гий и во всех смыслах многоступенчатый грохот, а также не заглушенный им болезненный вскрик и усилившуюся ругань.

– С ума сегодня все посходили! – шепотом пожаловалась я сама себе. – Жара, что ли, на людей действует?

На лестнице стало тише, Дядьвась переместился в жилое помещение и теперь жалобно матерился в ванной – наверное, отмачивал ушибленную конечность в проточной холодной воде. Я вышла на площадку, заперла за собой дверь и поискала глазами самоходную кастрюлю. Она благополучно скатилась со второго этажа на первый. Засохший куст, образовавший монолитную конструкцию со своим керамзито-грунтовым фундаментом, все так же задорно торчал из кастрюли.

– Ты че добро расшвыриваешь? – из квартиры на первом этаже выглянула тетка в шелковом халате с драконами.

Тесно уложенные на ее голове металлические бигуди образовывали подобие шлема и по цвету очень гармонировали с моей кастрюлей.

Произнесенное с нажимом, это ее «добро» закономерно проассоциировалось у меня со словами Пискли.

– Где добро? – насторожилась я.

– Вот добро, – ответила тетка, указывая на кастрюлю. – Ты выбрасываешь, что ли?

– Ага, – подтвердила я.

– Так я себе заберу, – сообщила тетка.

– Там в днище дырка, – предупредила я.

– И хорошо, что дырка, – тетка кивнула, серебристые бигуди блеснули, как рыба чешуя. – Мне как раз на дачу бак для летнего душа нужен, этот аккурат сгодится. На дырку муж краник с рассекателем приварит, а сверху я вместо крышки фанерку положу. Есть у меня такая подходящая, бывшая дверка от тумбочки.

Я почему-то подумала, что фанеркой тетка разжилась по тому же принципу: подстерегла кого-то, кто нес выбрасывать старую тумбочку, и оторвала себе дверцу, но спорить не стала. Честно говоря, мне совсем не хотелось тащить тяжеленную кастрюлю на помойку.

– А эта ботва тебе не нужна? – спросила еще тетка, пренебрежительно потыкав шлепанцем с помпоном ядовито-зеленые рожки мертвого кустика. – Нет? Тогда я ее выброшу.

Баба неожиданно легко подняла кастрюлю и вышла из подъезда во двор. Я пошла за ней.

На подступах к нашей древней трехэтажке уже не первую неделю велись локальные и вялотекущие дорожно-строительные работы. Неторопливые мужики в комбинезонах с нагрудной надписью «Горблагоустройство» меланхолично конопатили ямы и рытвины битым кирпичом и разным мелким мусором с соседней стройки. В неопределенном будущем предполагалось залатать дыры свежим асфальтом.

– Прямо как тут и было! – довольным голосом сообщила бигудястая тетка, вывернув содержимое кастрюли в вакантную ямку.

Действительно, получилось как нельзя лучше: земля и песок из моей кастрюли доверху заполнили рытвину, похоронив под собой несчастный розовый кустик. Керамзит, лежавший на самом дне кастрюли, стал верхним слоем ямочного заполнителя, и могила синей розы почти не отличалась от других экс-рытвин, приготовленных к асфальтированию.

Я слегка притоптала курганчик над захоронением своей синей розы, полюбовалась делом собственных ног и соседкиных рук и заторопилась на остановку маршруток.

Мы живем вблизи конечной, что очень удобно: в маршрутку еще не успевают набиться народ, можно устроиться поудобнее. Пользуясь возможностью выбора, я уселась впереди, рядом с водителем и начала поедать его глазами, надеясь привлечь к себе внимание и завести разговор на живо интересующую меня тему о похищении общественного автотранспорта малой вместимости вместе с пассажирами.

За рулем маршрутки сидел седовласый мужчина благородной наружности, очень похожий на Ричарда Гира. Думаю, рядом с голливудской звездой он смотрелся бы как брат-близнец. Особенно если бы Гир тоже надел трикотажную майку турецкого производства, спортивные штаны с лампасами и полуфабрикатный головной убор, состоящий из одного матерчатого козырька на круговой резинке.

Мой интерес водила понял правильно.

– Что-то нужно? – поинтересовался он, переключая скорости.

– Вопрос задать можно? – я с готовностью включилась в беседу.

– Что я делаю сегодня вечером? – хохотнул мужик.

– Нет, меня интересует прошедшее время, – я покачала головой и достала из сумки журналистское удостоверение. – Ходят слухи, что в городе угоняют маршрутки. Вы об этом ничего не знаете?

Водила изумленно посмотрел на меня, недоверчиво покрутил головой в джинсовом полупепе и правой рукой, в данный момент свободной от рычага переключения скоростей, звонко хлопнул себя по колену.

– Ну, журналисти! Ну, акулы пера! Откуда узнали? Кто рассказал?

– Есть источники, – уклончиво ответила я.

Не пересказывать же ему мою сумбурную беседу с Писклей!

– Ну уж нет, я к вам в источники не записывался, – джинсовый козырек протестующе закачался, и на меня приятно повеяло легким ветерком, – спрашивайте самого Михалыча, если он захочет, пусть сам вам рассказывает о своих приключениях.

– Водителя угнанной маршрутки зовут Михалычем? – уточнила я. – Он тоже на «сорок четвертой» ездит?

– На этом же маршруте, – кивнул водила.

– На Лунной остановите, пожалуйста! – попросил кто-то сзади.

Я немного подумала.

– Знаете, я, конечно, могу встать на дороге и тормозить каждую встречную «сорок четвертую» маршрутку, поджидая нужную машину, но это несколько затруднит работу общественного транспорта. Не говоря уж о том, как это затруднит меня саму. Может, вы мне просто скажете, где я могу найти этого вашего Михалыча?

– Да на конечной! Чего уж проще, мы там торчим на кольце, стартуем строго по расписанию, с интервалом в пятнадцать минут, – «Гир» наконец-то разговорился. – У нас там клуб: курим, языки чешем, перекусываем. Обеды нам горячие туда одна баба с Пионерского на тележке привозит, опять же сортир там для нас поставили...

– Водитель! На Лунной просили! – возмущенно закричали сзади.

Водила хамски подрезал «Москвич» в правом ряду, по дуге притерся к тротуару и рывкнул, обернувшись назад:

– Лунная! Кому надо, выпрыгивает! Кто остается, называет остановки заблаговременно и громко! – «Гир» набрал воздуха в грудь и заорал: – Водитель глухой!!!

– Жалко, что не немой, – пробормотала я, трясая головой, как собака после купания.

Оглушительный водительский вопль надолго лишил меня слуха и желания разговаривать.

К Иркиному дому в частном секторе на окраине города я подошла в сиреневых сумерках, после пятнадцатиминутной пробежки по тропинке через поле. Если бы не необходимость спешить, вызванная вполне понятным беспокойством о судьбе подруги, пешая прогулка доставила бы мне удовольствие. Я бы разулась, чтобы шлепать босыми ногами по теплой утоптанной дорожке, и полной грудью дышала бы незагазованным воздухом, за долгий летний день настоявшимся на полевых травах до крепости спиртовой наливки. Однако сейчас меня ничто не радовало, и запах мяты и полыни не успокаивал нервы, а только заставлял чихать.

Из обитателей дома на месте была только собака, овчарка Томас. Пес безмятежно спал в вольере и при моем появлении даже голову не приподнял, только раза три-четыре негромко стукнул о дощатый пол хвостом: мол, вижу, ты пришла, но мне до этого нет дела. Томкино равнодушие объяснялось жарой и отсутствием у собаки аппетита, будь пес голоден, он уже прыгнул бы в мои объятия прямо через ограду.

– Дрыхнешь? – спросила я, открывая дверь в собачий загон. – Вот ты тут валяешься без задних ног, а хозяйку твою украли!

Пес неохотно сел, краем глаза заглянул в миску с остатками овсянки и почесал себя за ухом задней лапой, словно недоумевая, кому и зачем понадобилось красть Ирку. Я тоже никак не могла этого понять и пошла в дом, надеясь увидеть что-нибудь такое, что поможет мне разобраться в ситуации.

Двери были закрыты, свет нигде не горел, все помещения на двух этажах находились в нормальном состоянии – по всему было видно, что хозяева покидали дом без спешки. Беспорядок наблюдался только в подвальном гараже, но это не было для меня новостью: с неделю назад Иркино и Моржиково предприятие, фирма «Наше семя», получило очередную партию товара, который наскоро свалили в гараж и разбирали постепенно.

Кстати говоря, моя незабвенная синяя роза была из этой самой партии, Ирка приволокла мне кустик в красивой картонной коробке аккуратно в прошлую пятницу. Надо же, всего за неделю растение умудрилось засушиться так, словно стояло не на открытом балконе в городе с субтропическим климатом, а в самом сердце раскаленной пустыни Сахара! Впрочем, у меня на балконе во второй половине дня тоже открытый солнцепек, именно поэтому меня не покидает навязчивая идея затенить балкон красивым выющим растением. Идея меня не покидает, а вот растения, наоборот, покидают одно за другим.

Ирка, которая знает, какой я никудышный ботаник и бесталанный садовод, утверждала, что массовый падеж розовых кустов на моем балконе объясняется несоблюдением должных аграрно-климатических условий. Мол, не туда я свои розы сажала, не тогда и не так. И сами розы тоже были неправильные. Именно поэтому подруга притащила мне полный садоводческий комплект: упаковку специального почвогрунта, дренаж для цветочных горшков, оказавшийся при ближайшем рассмотрении обыкновенным керамзитом, и само растение – полуфабрикат, который нужно было только должным образом совместить с содержимым горшка. Вместо последнего, правда, была использована прохудившаяся кастрюля, которую предыдущие хозяева квартиры использовали для вываривания белья. В остальном же вроде мы все сделали по инструкции, схематично изображенной на коробке. Подписи под картинками были на польском, но сами рисунки не нуждались в объяснении, поэтому я не думаю, что мы с Иркой сделали какую-то роковую ошибку. Скорее это роза была бракованная. Я сразу заподозрила неладное, когда увидела соседствующие на упаковке надписи: «Голландские цветы» и «Произведено в Польше». По-моему, должно быть одно из двух – либо роза голландская, либо польская, правильно? Гибрид, как показала практика, явно нежизнеспособен.

На мой взгляд, это вообще характерно для гибридов, в том числе технических. Я лично откровенно недолюбливаю многофункциональные приборы типа «мясорубка-соковыжималка-миксер-кофемолка-картофелечистка-точилка для карандашей». Приятно, конечно, по одной цене приобрести с полдюжины полезных машинок в одном флаконе, но зато, если агрегат-многостаночник выходит из строя, вы лишаетесь разом и мясорубки, и миксера, и кофемолки, и картофелечистки, и даже точилки для карандашей.

С некоторыми оговорками я готова одобрить разве что телефонный аппарат с функцией будильника, но лишь потому, что совмещение этих двух приборов в одном корпусе экономит место на прикроватной тумбочке. При этом манера моего аппарата исполнять в качестве будильника бороздинское «Славься!» мне уже не нравится. По-моему, под эту музыку должны просыпаться только государственные чиновники высокого ранга, а простым смертным

гораздо больше подходит старый добрый сигнал горна, живо напоминающего о пионерском лагере: «Вставай, вставай, постели заправляй!» Вот Иркин домашний телефон, произведенный и запрограммированный тактичными японцами, не оглушает спящих обитателей дома фанфарами, а деликатно насвистывает птичкой. Правда, неохотно пробуждающийся Моржик, по словам подруги, при этом все-таки ворчит: «Заткни канарейку, пока я ей шею не свернул!»

Ой! Телефон! Осененная многообещающей идеей, я на одной ножке развернулась посреди заваленного мешками, ящиками, рулонами и коробками гаража и побежала на другой этаж – к телефону, который, помимо способности убедительно подражать птичьему щебету, обладает еще и памятью на два десятка номеров. Мне вдруг пришло в голову, что компания Пискалявого, прежде чем похитить мою подругу, вполне могла некоторое время донимать ее тупыми телефонными разговорами так же, как сегодня начала донимать меня. Сейчас я пошарю в памяти японского аппарата, погляжу, нет ли там какого-нибудь незнакомого номера, запечатлевшегося неоднократно за короткий промежуток времени!

Действительно, такой номер нашелся, кто-то с редким упорством бомбардировал Ирку звонками: я насчитала шесть однотипных вызовов за шесть часов! Недолго думая, я набрала этот номер и услышала приятное женское сопрано, дикцию которого портил распространенный в наших южных широтах дефект – мягкое «гэ».

– Гостиница «Казбек», добрый день.

– Здравствуйте, девушка, – сказала я. – Вы администратор?

– Рецепционист.

Обалдеть! Рецепционист она! С таким-то кубанским прононсом!

– Ладно, это неважно, – отмахнулась я. – Я почему вам звоню? С этого номера мне неоднократно звонил какой-то телефонный хулиган...

– Справок о постояльцах мы не даем, – невежливо перебила меня рецепционистка а-ля рюс, бросая трубку.

«Ага, значит, тот, кто донимал Ирку звонками, – постоялец „Казбека“! – обрадовалась я. Если он еще там, я его найду и возьму за гланды. Если он имеет какое-то отношение к банде Пискалявого, то как миленький расколется, куда его шайка упрятала мою Ирку. И, главное, зачем?»

Однако жаль, что связаться с Писклей мне пока не удалось, ведь этому идиоту не хватило соображения толком объяснить мне, какое такое добро меня вынуждают вернуть. Честное слово, ничего чужого я не брала! Разве что на последней съемке в ГУВД края одолжила у кого-то из аборигенов ручку, да так и унесла ее с собой, но маловероятно, чтобы такой шум поднялся из-за пишущего прибора. Это же не золотой «Паркер» был, а простое пластмассовое стило! Да и мой пискалявый собеседник по голосу мало походил на сотрудника органов, у меня много знакомых ментов и все, как один, обладают хриловатыми мужественными голосами. А не позвонить ли мне, кстати, одному из этих суровых мужчин в погонах?

Вместо ответа на этот чисто риторический вопрос я быстро набрала номер, который по необходимости давно заучила наизусть.

– Лазарчук, – голос приятеля-сыщика был особенно хриплым.

Спал он, что ли? В половине девятого вечера?

– Лазарчук, когда ты уже выйдешь из органов и займешься частной практикой? – не здороваясь, накинулась я на капитана.

– Из чьих органов я должен выйти? – съязвил Серега. – Вообще-то как раз сейчас я ничем таким не занимаюсь. Я сижу на больничном.

– Хорошо, что не на нарах, – съязвила я в ответ. – Твоя болезнь не инфекционного характера?

– Не знаю, – задумался капитан. – Ангина – это инфекция или нет?

– Ангина – это ерунда, – заявила я. – Лазарчук, ты должен мне помочь! Мне не велели обращаться в милицию, но ты сейчас не при исполнении, значит, можешь не считаться милицией. Серега, Ирку похитили!

– Ты с ума сошла? – искренне изумился Лазарчук. – Кто мог похитить стокилограммовую тетку, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»? Бригада «морских котиков»?

– И песиков, – кивнула я, забыв, что Серега меня не видит. – Один такой собачий сын как раз звонил мне с требованием вернуть чужое добро в обмен на Ирку. Только я не знаю, какое добро ему нужно.

– Может, золото? – легкомысленно фыркнув, предположил капитан. – Чистым весом – шесть пудов? За меньшую награду я лично не рискнул бы связываться с твоей подругой.

– Центнер золота? Дурацкая мысль, – сказала я.

– Но и ситуация дурацкая, разве не так? – резонно заметил капитан.

Я задумалась.

– Килограммовый слиток золота я как-то видела на съемках в банке, – вспомнила я. – Он размером с плитку шоколада. Сто шоколадок – это довольно большая коробочка или сверток. Может, пойти поискать что-нибудь подобное в кухонных шкафчиках?

– Глупости, – прохрипел Лазарчук. – Про золото я сказал в режиме бреда. Речь свободно может идти не о нем, а, например, о полном чемодане долларов. Или о пригоршне бриллиантов. Или о термосе с плутонием. Да мало ли, какие могут быть ценности? Антиквариат, ювелирные украшения, всяческие раритеты, просто деньги, акции...

– И облигации выигрышного займа, – вздохнула я, соглашаясь с приятелем. – Думаешь, не стоит искать то, не знаю что?

– Разве что скуки ради.

– А для пользы дела? Вернее, для пользы тела – Иркиного? Похитители угрожают начать резать ее на кусочки, если я не верну проклятое «добро».

– Знаешь, что я об этом думаю?

– Не знаю, но хочу знать.

– Так вот, я думаю, что это какая-то глупая шутка, – безапелляционно заявил Лазарчук. – Розыгрыш.

– Но...

– Молчи, я не смогу тебя перекричать, у меня горло болит, – попросил Серега. – Знаешь, что?

– Уже знаю, – буркнула я.

– Чудненько. Тогда подожди денек-другой, я уверен, что твоя подружка сегодня-завтра сама объявится и скажет, что неудачно пошутила.

– А если она не объявится сегодня-завтра?

– Тогда завтра-послезавтра снова позвони мне. А пока отцепись, ладно? Дай поболеть спокойно.

– Выздоровливай, – со вздохом сказала я, но Лазарчук уже положил трубку.

Вот человек, да? Ни тебе сочувствия, ни душевной чуткости! Мент, сухой и черствый, как три корочки хлеба! И это о таких людях слагают хвалебные песни с текстами типа: «Если кто-то где-то там попал в беду, трям-трам-трам – не помню точно, – ему на выручку придут»! Придут они, как же! На могилку с цветами, трям-трам-трам!

Сердясь на капитана, не пожелавшего серьезно отнестись к истории с похищением моей лучшей и единственной подружки, я громко захлопнула дверь, повернула ключ в замке и начала было спускаться с крыльца, когда услышала жалобный собачий скулеж.

– Ох! – произнесла я, поворачиваясь, чтобы вернуться в дом.

Пробежалась в кладовку, взяла там три банки гречки с тушенкой, одну за другой вспо- рола их консервным ножом и понесла кашу насущную Томке. Не голодать же собаке в отсут- ствие хозяев, пропавших неизвестно куда!

Тут мне пришло в голову, что собаке нужно не только регулярно питаться, но и гулять. Если Ирка или Моржик не вернуться в родные пенаты в самом скором времени, придется мне взять заботу о четвероногом друге на себя. Не переселиться ли мне по такому поводу в Пио- нерский? Все равно, дома меня никто не ждет, мой муж Колян и сын Колюшка, известный также, как Масынька, отдыхают на море. У Коляна уже давно отпуск, а мне до заслуженного отдыха пахать еще неделю, и только тогда я смогу присоединиться к своим любимым мужчи- нам в теплых краях. Правда, я посещала их в выходные: уехала в пятницу после работы, а вернулась сегодня, в воскресенье, после обеда. Надо же, прошло всего несколько часов, как я приехала с моря, а мне уже кажется, будто безмятежный отдых в кругу семьи был чуть ли не в прошлой жизни!

Я вывалила кашу с мясом в собачью миску с остатками овсянки, принесла песику свежей водички, погладила мохнатую Томкину башку и жалостливо сказала:

– Кушай, кушай, мой хороший! Если завтра твоя хозяйка не вернется домой, то я приеду и стану тебе родной матерью. Договорились?

Пес грустно вздохнул, но возражений не высказал, и я ушла, старательно закрыв дом и двор на все замки.

В десятом часу вечера фиолетовые сумерки уплотнились, и небо в пятнышках белых звезд сделалось похожим на бархат, проеденный молью. Где-то на полпути, посреди поля, я пожалела, что не осталась ночевать в особняке, но меня гнала домой надежда услышать Писклю, который мог позвонить мне на домашний телефон. Может, поганец объяснит мне толком, чего ему от нас с Иркой нужно?

Крепко задумавшись, в потемках я немного сбилась с пути и вышла из зарослей полыни не к остановке маршрутных такси, а метров за двадцать до нее, но попала именно туда, куда следовало: на пяточке внутри петли, образованной разворачивающейся обратно дорогой, тол- пились пустые маршрутки. Небольшое – голов пять-шесть – стадо «Газелей» невнимательно пасли мужики, сгруппировавшиеся вокруг грубо сколоченного стола под одиноким фонарем. На одном краю стола высилась переполовиненная пластиковая бутылка с негазированной мине- ралкой, на другом – двое водил играли в шашки, а третий наблюдал за игрой, и еще кто-то непонятно возился в зарослях, подсвечивая себе фонариком.

– Добрый вечер, – приветливо сказала я, появившись в круге света перед дядьками.

– Свят, свят, свят! Сгинь, нечистая! – смешно закрестился маленький лысый живчик лет пятидесяти, одновременно улыбаясь во всю ширь щербатого рта. – Кто ты, ночная гостья?

– Так, прохожая. Мне бы Михалыча, – попросила я.

– А в лоб? – хамовито отозвался один из игроков в шашки – тот, который сидел лицом ко мне.

Смотрел он при этом не на меня, а на доску, но правую руку занес повыше и сложил пальцы для щелчка. Я уже испугалась, что меня хотят стукнуть, но тут мужик опустил руку и громко щелкнул по шашке на доске. Черная шашка шумно врубилась в ряд противостоящих ей белых, пластмассовые кругляшки разлетелись в разные стороны, и из зарослей травы позади игроков, разогнувшись, показался толстый парень с фонариком в руке.

– Все, мужики, кончай играть! – громко сказал он. – Третий комплект шашек расстрели- ваете, я уже запарился их собирать, в темноте ничего не видно!

Я подняла черную шашку, которая стукнула меня по коленке и упала в траву, шагнула вперед и положила похожий на шоколадную конфетку кругляшок на край стола.

– Спасибо, солнышко! – поблагодарил меня мужик, действия которого произвели фатальное опустошение на клетчатой доске. – Ты, говоришь, Михалыча ищешь? Он там.

Дядька махнул рукой в сторону припаркованной поодаль маршрутки, на дверце которой была изображена голая девушка, в технике «боди-арт» высокохудожественно раскрашенная под сотовый телефон. Рядом помещался адрес салона сотовой связи «Сотня» и слоган: «Жми, не бойся!» На какие именно места желательно жать, указывали красные стрелочки, пририсованные кем-то от руки в нарушение художественного замысла авторов картины. Расписная дверь была открыта, и за ней в неосвещенном салоне кто-то шумно ворочался. Опасаясь, что там именно в этот момент кто-нибудь безбоязненно жмет на какие-то эрогенные точки, я громко покашляла:

– Кгх-м, кхе! Извините, пожалуйста, можно видеть Михалыча?

– И видеть, и слышать, – подтвердил усталый мужской голос.

– И осязать! – захохотал кто-то из игроков за столом, явно намекая на игровую рекламу «Сотни». – Жми, не бойся!

– Не смущайте девочку, – укоризненно произнес человек, выглянувший из маршрутки. – Это я Михалыч. Чего ты хочешь, детка?

Мужик был немногим старше меня, но отеческое обращение в его устах не звучало насмешкой. У дядьки был такой добродушно-основательный вид, что сразу становилось понятно: его начали уважительно называть Михалычем уже лет двадцать назад. Этот человек самодостаточен, спокоен и уверен в себе, пиитета по отношению к прессе от него не дождешься, тут нужна совсем другая тактика!

Я засунула поглубже в карман удостоверение, которое начала было вытаскивать, вздохнула и жалобно протянула:

– Помогите мне, пожалуйста! Я тут у вас в машине забыла папку с документами, вы ее не находили?

– Не помню никакой папки, – секунду подумав, Михалыч покачал головой. – Ты ее точно у меня оставила?

– Точно-точно, – я закивала, как китайский болванчик. – «Сорок четвертая» маршрутка с голой девицей на двери, я хорошо запомнила. А вы всегда на этой машине сами ездите? Может, у вас есть сменщик?

– Сменщика нету. Ты когда ехала, сегодня?

Я немного помедлила с ответом, прикидывая, когда могло произойти двойное похищение Ирки и маршрутки? С одной стороны, вчера в обеденный перерыв подруга звонила мне на работу, она еще была дома, но собиралась по делам в город. С другой стороны, сегодня днем кто-то кормил Томку свежесваренной овсянкой. Хотя это мог сделать Моржик, который к вечеру тоже куда-то запропастился...

– Честно говоря, это не я забыла у вас папку, а мой растяпа-муж, – я несколько изменила легенду. – Когда – не знаю, может быть, еще вчера, но признался только сегодня.

– Нет, я никакой папки не видел, – огорчил меня Михалыч. – А если она вчера вечером каталась без хозяина, то вы ее вряд ли найдете. У меня вчера машину угнали.

– Да что вы? – притворно удивилась я. – Угнали маршрутное такси? Как это возможно?

Михалыч устало присел на подножку маршрутки и рассказал мне, как можно угнать маршрутку. Оказалось, очень просто!

Вчера вечером, часу в шестом, Михалыч, как обычно, вел свой транспорт по маршруту, из Пионерского в центр города. Подъезжая к остановке «Торговый центр „Мишень“», где всегда кто-то выходит, а кто-то садится, водитель заранее перестроился в крайний ряд и сбросил скорость. Остановился у тротуара и в этот момент услышал противный чавкающий звук: в лобовое стекло смачно влип спелый красный помидор.

– Какого хрена? – изумился Михалыч.

Сквозь исполосованное красными потеками стекло он поискал глазами, откуда прилетел шальной томат, и увидел дохловатого сутулого пацаненка, на вид лет пятнадцати. В одной руке

у подростка была корзинка с помидорами, в другой – отдельный красный плод, тут же полетевший в расписную дверь маршрутки. Освободившейся рукой гадкий мальчишка помахал оторопевшему от негодования Михалычу, неторопливо сошел с тротуара на мостовую, встал прямо напротив «сорок четвертой» и приготовился к прицельному лобовому томатометанию.

– Ну, паскуда, я тебе покажу! – взревел обычно добродушный Михалыч, до глубины души оскорбленный немотивированной хулиганской выходкой тинейджера.

Прихватив монтировку, водила выскочил из машины. Дрянной мальчишка швырнул в него корзинку с помидорами, повернулся и побежал за угол Торгового центра. Жажущий безотлагательно провести с маленьким негодяем воспитательную работу, Михалыч помчался следом.

– Конечно, я не стал бы его бить железякой, – словно оправдываясь, сказал мне водитель. – Я же не изувер какой, чтобы ребенка калечить, даже если он, гад, такой мелкий пакостник! Я бы его просто шлепнул пару раз ладонью пониже спины да сказал бы несколько слов по-отечески!

Однако никакой беседы с малолетним хулиганом у Михалыча не получилось. Едва суровый водила прижал противно ухмыляющегося подростка к стене между мусорными контейнерами магазина, как получил удар по голове сзади.

– Тоже не монтировкой били, но и не ладошкой, – хмуро сказал Михалыч, машинально потерев макушку. – Сзади подошли и кирпичом огрели по маковке, не слишком сильно, не до отключки, но паршивца мелкого я, конечно, из виду выпустил. Удрал гаденыш, и напарник его тоже смылся, еще и шапку мою свистнули. У меня на голове такая красная стеганая шляпа была, джинсовая, с дырочками сверху...

Прижимая ладонью быстро растущую шишку на голове, Михалыч без шапки и монтировки вернулся на остановку, но своей машины там не нашел.

– Ёж твою! Мужики, не видали, куда маршрутка девалась? Белая «сорокчетверка» с голой бабой на боку? – пометавшись по тротуару, несчастный Михалыч подскочил с вопросом к каменномордым охранникам у раздвижных дверей «Мишени».

Упоминание обнаженной женской природы заставило неподвижных секьюрити ожить.

– Телка-мобилка? Видели такую, прикольно! – ухмыльнулся рыжий детина в наглухо застегнутой белой рубашечке пионера. – Оpozдал ты, дядя, на свою маршрутку, укатила тачка по этапу, стереги следующую.

– Как – укатила? – До Михалыча с трудом доходила суровая правда: его транспортное средство, автобус малой вместимости типа «Газель», уехал в голубую даль загазованной городской улицы без своего хозяина и водителя.

– Я, конечно, сразу заявил в ментовку об угоне, – договорил расстроенный неприятными воспоминаниями Михалыч. – Ну, как – сразу? Мобильник-то я в машине оставил, поэтому минут десять прошло, пока я из автомата дозвонился. Менты, ясное дело, меня поначалу на смех подняли, пришлось трижды перезванивать, пока до них дошло, что это не шутка, маршрутку и впрямь угнали. Ну, включили план «Перехват», часа через два нашли мою машинку – благо девка на боку нарисована приметная, мимо не пропустишь...

– А где, где после нашли машину-то вашу? – с острым интересом переспросила я.

– Не поверишь! Смеяться будешь, – мрачно ответил Михалыч. – Здесь и нашли, на конечной! Вернее, она сама нашлась: подъехала, как обычно, пристроилась в хвост очереди и стала себе, как всегда становится. Мужики и не обратили внимания, думали, это я подъехал. Схватились только, когда гаишники с сиреной прилетели!

– Значит, угонщик просто надел вашу приметную шляпу, сел вместо вас за руль и как ни в чем не бывало повел машину по маршруту? А пассажиры, разумеется, подмены не заметили, потому что никто не разглядывал водителя, – я невольно восхитилась ловкостью и изобрета-

тельностью угонщиков. – Да, пожалуй, мужнюю потерянную папку мне уже не найти, если у вас целая маршрутка потерялась!

С этими словами я распрощалась с удрученным Михалычем и укатила на другой «сорок четвертой». Маршрутка, возглавлявшая стоящий караван «Газелей», как раз собиралась отчалить, и ее водитель – тот самый улыбчивый живчик, который назвал меня ночной гостьей, – любезно разрешил мне занять место в салоне.

Огнедышащая Марина Куропаткина в ходе дежурного скандала с мужем выплеснула не всю энергию, потому что позорное бегство Гоши предупредило финальный номер Мариной показательной программы – долгую и утомительную истерику с водопадом слез. Таким образом, Марина сэкономила немало сил, которые затем потратила с большим толком: она сделала в квартире уборку, уничтожив следы внутрисемейного мамаева побоища. Чтобы окончательно успокоиться, Марина выпила баночку ром-колы, заела коктейль мороженым и села к телевизору.

Показывали шоу «Шуточки» – популярную воскресную программу, в ходе которой ведущие жестко разыгрывали друг друга и приглашенных гостей, а зрителей, собравшихся на это безобразие посмотреть, то и дело без предупреждения поливали водой и посыпали всякой дрянью вроде порошкового мела.

Марина включилась в просмотр в тот момент, когда ведущий закурил свою трубку, и та, к общей радости собравшихся, зачатила дымовой шашкой. Ведущий, немного похожий на Гошу Куропаткина, мучительно закашлялся и согнулся пополам. Марина злорадно ухмыльнулась.

– А теперь послушайте рассказ о том, как с помощью нашей очаровательной помощницы Элочки мы разыграли популярного артиста Михаила Петровича Моргулина, – безостановочно колотя между лопатками согбенного партнера, проворковала в камеру ведущая – обесцвеченная блондинка с бюстом, подпирающим подбородок.

Популярный артист Моргулин, без грима и вне сценического образа похожий на нервную серую мышку и потому абсолютно неузнаваемый, выступил вперед, опасливо нашаривая путь перед собой специально запасенной тросточкой. Люк, коварно разверзшийся в полу, артисту удалось обойти, и зрители ему одобрительно зааплодировали, но уклониться от упавшего сверху мешка с песком Моргулин не успел. Аплодисменты превратились в овацию и дополнились восторженным свистом.

– Носилки в студию! – ослепительно улыбаясь, повелела ведущая.

Несчастливого Моргулина и заваливший его мешок унесли одним транспортом.

– Элочка, придется рассказывать тебе! – извиняясь, ведущая развела руками и сбила стойку, державшую замаскированный под микрофон приборчик, генерирующий маленькие синие молнии. Стойка прицельно упала на гостевой диван, и электрошок сверх меры взбодрил сразу трех участников программы. Публика от хохота зашлась в рыданиях.

– По сценарию, я должна была изображать соседку Моргулиных – легкомысленную особу без твердых нравственных устоев, – сообщила народу Элочка, смущенно переминаясь на ногах, длинных и стройных, как две мачтовых сосны.

Марина, уловившая созвучие телевизионного рассказа с собственной ситуацией, с ненавистью посмотрела на длинномерные конечности Элочки и напряглась.

– Моей задачей было вызвать у супруги господина Моргулина определенные подозрения. Мне это удалось, – ногостая девица застенчиво потупилась, и Марина почувствовала, что умиротворяющее воздействие ром-колы стремительно сходит на нет. – Спровоцировав семейную сцену, я дождалась ухода Моргулина и включила погромче запись спектакля, в котором актер исполнял роль героя-любовника, сама же стала громко вздыхать, стонать и приговаривать: «Еще, Миша, еще!» Моргулина Михаилом зовут, вы же знаете.

Из дальнейшего рассказа длинноногой красотки Элочки выяснилось, что ревнивая мадам Моргулина слопала наживку вместе с крючком и примчалась выяснять отношения с

развратной соседкой, но мудрая Эллочка не открыла ей дверь. Только прокрутила еще раз кассету с записью моргулинского голоса и застонала громче.

– А что было, когда Михаил Моргулин вернулся домой, вы можете увидеть сами, – радостно перебила ногостую Эллочку гудящая ведущая. – Мы заранее установили в прихожей Моргулиных скрытую камеру, и она запечатлела сцену встречи супругов во всех подробностях!

Вопреки сказанному, выяснилось, что обещанные подробности в большой степени закрыла от объектива широкая спина дородной мадам Моргулиной и ее руки, уставленные в бока. Общее впечатление, полученное зрителями от просмотра записи, свелось к восхищению удивительной живучестью артиста. Стало понятно: если Моргулин благополучно выдержал экзекуцию, устроенную ему женой, то пережить падение мешка с песком будет для него плевым делом. Это порадовало тех, кто выражал беспокойство о самочувствии артиста, покинувшего студию на носилках «Скорой помощи».

Марине моргулинское здоровье было до лампочки. Из рассказа мерзавки Элочки она сделала свои собственные выводы, для проверки которых немедленно выключила телевизор, обесточила гудящий холодильник и плотно прижалась ухом к стене, за которой располагалась квартира соседей. После того, что она увидела и услышала по телевизору, Марина ничуть не удивилась бы, уловив за стеной воркующий голос своего мужа и сладкие вздохи соседки, однако в чужой квартире было тихо.

«Затаились, голубки!» – нелогично подумала Марина.

Она открыла тумбочку в прихожей и в ящичке для перчаток отыскала ключик, который в доме Куропаткиных не подходил ни к одному замку, потому что открывал дверь соседской квартиры. Прошлым летом, уезжая на две недели к морю, предусмотрительные соседи на всякий пожарный случай оставили Куропаткиным ключ, а прозорливая Марина сделала себе дубликат. Как знала, что пригодится!

Бесшумно ступая в мягких домашних тапках, вооруженная ключом Марина Куропаткина подкралась к чужой двери, ловко открыла ее и вошла в квартиру соседей. Ее появление осталось незамеченным, так как входную дверь можно было увидеть только из кухни или непосредственно из прихожей, а именно там в данный момент никого не было. Хриловатый, отчетливо мужской, шепот доносился из комнаты и сопровождался скрипами и стуком. Марина, которой показалось, что она узнала конспиративно приглушенный голос Гоши, зловеще усмехнулась и сняла с рогатой вешалки в прихожей длинный зонт-трость с тяжелым набалдашником.

– Ну, где же ты, где, едрить твою налево? – раздраженно приговаривал хрипавый.

Судя по звукам, он одновременно совершал разнообразные и энергичные телодвижения, всячески контактируя с непрочной скрипучей мебелью. Услышав жалобный певучий звон, который издала какая-то стеклянная дверца, Марина вопросительно вздернула брови. Чем это они там занимаются? В прятки играют, что ли?!

В воображении ревнивой жены тут же возникла яркая картинка: подлый изменщик Гоша Куропаткин, на котором из одежды была только шелковая повязка на глазах, вытянув вперед дрожащие от нетерпения руки, в поисках затаившейся партнерши брел по чужой комнате, наткаясь на мебель обнаженной натурой. Тут Марина посетовала на то, что соседка не увлекается разведением кактусов, потому что столкновение Гоши в костюме Адама с каким-нибудь здоровенным колючим столбом доставило бы мстительной Марине искреннее садистское удовольствие. Законную супругу Гоша никогда еще не радовал веселыми сексуальными играми типа «жмурки-пряталки»!

– Все, я больше не могу! – возвестил мужчина, которого Куропаткина не видела, зато слышала, как он шумно повалился на скрипучий диван.

«Пора!» – сказала сама себе Марина и с зонтом наперевес выскочила из своего укрытия в прихожей.

– Убыю сволочей! – ревела она на ходу.

Множественное число оказалось неуместным: вопреки ожиданиям ревнивицы, на диване обнаружился только один человек, лежавший поверх покрывала в одежде и обуви, плашмя, как камбала. Разогнавшаяся Марина, настроенная на совершение акта возмездия, не успела на бегу поменять свои планы и с размаху огрела незнакомца поперек спины сложенным зонтом. Зонт треснул, мужик крикнул, скатился с дивана и, прикрывая голову руками, рванул в прихожую.

– Врешь, не уйдешь! – крикнула азартная Марина, повторно замахиваясь своим оружием.

Изловчившись, она, как клюшкой, кривой ручкой зонта наподдала пробегающему мимо незнакомцу по заду и с силой выбила мужика из прихожей в открытую дверь.

Побитый воинственной Мариной малый даже не огрызнулся, только негромко матерился, шумно катясь с лестницы.

Сама Марина, поколотив вместо собственного супруга совершенно постороннего гражданина, не испытывала по этому поводу ни малейших угрызений совести. Она пребывала в уверенности, что огретый зонтом тип был еще одним любовником соседки – наряду с Гошей Куропаткиным, который пока не был пойман на месте преступления, что отнюдь не снимало с него подозрений. Немного жаль было зонтик, который оказался менее крепким, нежели спина и ягодицы мужика, и с пугающим хрустом переломился пополам, однако Марина полагала, что это ничтожная плата за возможность наказать в лице незнакомца всех неверных мужей. Тем более что зонтик принадлежал соседке, и, сломав его, Марина таким образом одновременно материально наказывала в ее лице всех коварных любовниц.

Гордо подбоченясь, победоносная Марина оглядела комнату, презрительно фыркнула в сторону дивана и удалилась восвояси, не забыв закрыть дверь на ключ.

Было уже черным-черно, когда я подошла к своему дому. Одиннадцатый час вечера, да еще небо затянули пухлые облака, и под этим толстым одеялом задохнулись и потухли и луна, и звезды.

Оступаясь на покрытом рытвинами допотопном асфальте, оскальзываясь на невидимых во мгле керамзитовых заплатках, я шагала к подъезду, как слепая цапля по болоту – опасливо пробуя ногами почву перед собой и вытягивая шею в надежде хоть что-то разглядеть. Со стороны это должно было выглядеть комично, поэтому я не обиделась, когда с лавочки из-под раскидистой вишни донесся смешок. Вместе с ним донесся сигаретный дымок, а секундой позже – ломкий юношеский голос:

– Эй, гражданка! Ты тут не ходи, ты там ходи, а то в люк попадешь – совсем мертвый будешь!

Цитату из «Джентльменов удачи» я узнала, а голос говорящего – нет.

– Это кто тут? – обернулась я, застыв на одной ноге.

– Это я, Красная Шапочка! – глумливо пропищала из темноты какая-то девчонка.

Несколько крепких молодых глоток согласно издали радостное лошадиное ржание.

– Ой, вы, кони мои, кони привередливые! – съязвила я в ответ, фрагментарно процитировав Высоцкого. – Признавайтесь, жеребчики и кобылки, кто опять лампочку в подъезде выкрутил?

– Темнота – друг молодежи! – авторитетно сообщили мне из дружественного подрастающему поколению мрака.

– А также грабителей, маньяков и бандитов, – заметила я, ощупью вдвигаясь в темный, как склеп, подъезд.

Цепляясь за перила, поднялась на второй этаж, ощупью нашла в кармане ключ, а в двери – замочную скважину, с трудом совместила то и другое, открыла дверь и зашагала по неосвещенной прихожей, напрочь забыв о возможности включить электрическое освещение. Втянулась, привыкла перемещаться в темноте!

На третьем шаге под моей ногой что-то болезненно хрустнуло, и я ужаснулась, вообразив, что Пискаля и его команда прислали мне новый фрагмент моей подруги – на сей раз кость. Похоже, берцовую.

Ослабевшие колени очень кстати подогнулись, я присела и дрожащими руками ощупала то, что хрустнуло: действительно, похоже на кость, только весьма необычной формы – кривую, как коровий рог. Очень странно, у моей подруги вроде ничего такого нет...

Воображение скупыми штрихами живо набросало мне поясной портрет Ирки, очертаниями похожей на слоненка, и тоже с бивнями. Или с одним бивнем, если второй лежит у меня на полу.

– Фу, чушь какая! – сообразив, что несу чушь, я покачала головой и вытряхнула из нее бредовую мысль о бивнях, рогах и копытах.

В освободившуюся мозговую извилину тут же заползла мысль рациональная – о том, что неплохо было бы включить свет. Я поднялась, протянула руку к выключателю и зажгла бра на стене.

Опасливо прижмурив один глаз – на тот случай, если на полу и впрямь валяется что-нибудь страшненькое, я обернулась и поглядела себе под ноги. Разумеется, никаких ороговелостей там не было. На линолеуме лежал зонтик, согнутый закорючкой, которая позволяла безошибочно диагностировать закрытый перелом стержня в районе крепления ручки.

Я протяжно вздохнула: с зонтами у меня почти та же беда, что с декоративно-цветущими растениями – ни один не задерживается в доме дольше чем на месяц. Во-первых, я забываю зонтики в общественном транспорте и присутственных местах, во-вторых, их также теряет Колян, в-третьих, их калечит Масянька, который очень настойчиво пытается понять конструкцию каждого нового складного зонта, а также установить предел его механической прочности. Правда, на сей раз возложить ответственность за поломку полезного устройства на мужа или сына я не могла, потому как их не было дома. Четвероногих друзей, которые могли бы приложить к зонтику свои лапы и зубы, у нас не водится, а сама я к этому предмету не прикасалась уже с месяц – погода стоит отличная, солнце, жара... Так кто же сломал хороший прочный зонт, способный выдержать тропический ливень и град величиной с горошину?

Встревоженная, я подняла искалеченный зонтик, прихватила его выше перелома на манер казачьей пики и обошла всю квартиру в поисках проникшего в нее постороннего. Никого не нашла, но обнаружила, что балконная дверь открыта. Может, я забыла ее запереть, когда в спешке выбегала из дома? А зонтик снесло с вешалки в прихожей сквозняком, и он сломался при ударе о пол? Крайне маловероятно! Притом, я вижу, и покрывало на диване смято, и всякое мелкое барахло на полочках и тумбочках сдвинуто со своих мест, и в ящиках, похоже, кто-то копался! Хотя вроде ничего не пропало. Значит, в моей квартире побывал не вор-домушник, а какой-то иной персонаж.

Мне стало немножко страшно. Будучи в данный момент одинокой беззащитной женщиной, я не могла чувствовать себя в безопасности, находясь в квартире с незарешеченными окнами и входной дверью, бронированной не крепче, чем панцирь виноградной улитки. Желание переселиться в Иркины хоромы под защиту зубастой овчарки вновь посетило меня и заметно окрепло. Решено! Последую примеру сказочных поросят, сбежавших от злого волка в кирпичный домик умного старшего братца, и переберусь в Пионерский!

Я выволокла из стенного шкафа средних размеров рюкзачок, с которым хожу выгуливать своего ребенка, вытряхнула из него набор для песочницы, две машинки, мячик, коробку цветных мелков, флакон с мыльно-пузырным раствором, панаму и резервные штанишки. Сложила собственные вещи: белье, пару маек, дамскую сумочку со всем ее содержимым. В Иркинском доме я гощу нередко, так что у меня есть там кое-какой гардероб, можно не тащить с собой в Пионерский ворох одежек.

Разумеется, бежать с рюкзаком на спине в ночь было бы неразумно: трамваи и троллейбусы уже уходят на заслуженный отдых в свои депо, маршрутки удаляются в персональные конюшни. В принципе, можно добраться в Пионерский на такси, но только в район многоэтажек, потому что ни один нормальный водитель не согласится везти меня ночью в квартал недостроенных частных домов. А шагать в полночный час через дикое поле на своих подгибающихся от страха двоих – спасибо, дураков нет! Стало быть, переночевать надо дома, а эмиграцию в Пионерский перенести на завтра.

Придя к этому выводу, я закрыла балконную дверь на оба шпингалета, соорудила у порога портативную баррикаду из пары табуреток, подбодрила себя большой чашкой чая с маленькой шоколадкой и просмотром одного из Масынькиных мультиков, после чего бухнулась в постель, накрылась с головой простынкой и крепко уснула.

Понедельник

Тяжелый день понедельник начался с того, что я проспала время подъема. Это меня огорчило, но совсем немного. Гораздо больше я расстроилась, когда вспомнила события вчерашнего дня – в частности, похищение Ирки и вторжение в мою квартиру неизвестно кого. У меня даже аппетит пропал, так что я не стала завтракать, даже чаю не попила, сразу двинула на работу, в свои телевизионные рудники.

Вздернув заранее собранный рюкзачок на спину, я вышла на лестничную площадку, крепко-накрепко закрыла свою дверь, дернула ключ и тут обнаружила, что он прочно застрял в замке. Это еще что за новость? До сих пор замок не бараклил!

Я еще раз дернула непослушный ключ, потом еще и еще – безрезультатно! При этом проворачиваться в замке он не отказывался, крутился, как гимнаст на турнике, только вылезать из скважины категорически не желал. Я открыла дверь, снова ее захлопнула, еще раз заперла, но на строптивый ключ это никак не повлияло. Я толкнула дверь плечом – не надеясь таким образом разъединить слившиеся в экстазе ключ и скважину, а просто для разрядки нервного напряжения. До чего же глупая ситуация! Уйти я не могу – не бросать же без присмотра дверь с гостеприимно торчащим из нее ключиком! И вернуться в квартиру тоже не могу – все по той же самой причине!

В сердцах я бухнула в дверь кулаком и вдруг услышала:

– Замерите, гражданочка. Вы у нас кто будете?

Я не замерла, наоборот, резко повернулась и внимательно посмотрела на человека, задающего такие оригинальные вопросы. «Кто вы будете у нас!» Я знаю только, кто я есть у меня!

– И кем же я могу быть, по-вашему? – поинтересовалась я, прикидывая, не поскандальить ли с этим не в меру любопытным типом.

Непокорный ключ меня жутко разозлил, и было бы неплохо выплеснуть на кого-нибудь свое раздражение!

– Какие у вас есть варианты? – спросила я.

Тощий носатый дядька с седыми усами, неаппетитно свисающими с губ, как две дохлые мохнатые гусеницы серого цвета, выпятил вперед костистый подбородок. Гусеницы конвульсивно дернулись и снова замерли.

– Запросто можете оказаться воровкой-домушницей или невезучей медвежатницей. В любом случае хорошо бы взглянуть на ваши документки, – скучно промолвил усатый, заставив гусениц поплясать в соответствии с артикуляцией.

Это зрелище меня так увлекло, что смысл сказанного дошел до меня с опозданием.

– Насчет взлома – это вы не по адресу, – секунд через пять обиженно заявила я. – Это моя квартира, я тут живу.

– Документки попрошу, – слабо трепыхнулись гусеницы.

– Паспорт у меня дома, но я за ним не пойду, потому что не могу вытащить ключ из замка и не собираюсь бросать дверь без присмотра, когда на площадке торчит подозрительный тип вроде вас, – на одном дыхании протарахтела я, разозлившись пуще прежнего.

Решено, сейчас поскандаю с этим нудным дядькой, так что он пожалеет, что ко мне привязался!

– Могу показать служебное удостоверение, оно у меня в кармане лежит, только не знаю, зачем я буду это делать? Вы-то сами кто такой будете? У вас и у нас?

– Полковник Червяченко, – сонно моргнул дядька.

– Червяченко – это от слова «червяк», да? Вот здорово! – бестактно восхитилась я. – Слушайте, полковник, а вы такие усы нарочно отпустили, под фамилию?

– Нет, усы я отпустил под бороду, – дядька неожиданно мило улыбнулся, и мохнатые червяки усов изогнулись полукружьями. – Я зимой в отпуск ходил, отпустил бороду, а к ней до комплекта усы просились. Потом, конечно, бороду сбрить пришлось, а усы так и остались.

– Прижились, – заметила я, оттаивая.

Улыбающийся Червяченко выглядел вполне симпатично, и я решила простить ему ошибку: в самом деле, со стороны я, наверное, и впрямь смахивала на взломщицу.

– Усы, лапы и хвост – вот мои документы, – миролюбиво пошутила я, протягивая полковнику свое служебное удостоверение.

Вместе с нормальным настроением ко мне вернулась и способность соображать.

– Секундочку! – вслух подумала я. – А что вы, полковник, делаете на нашей лестничной площадке? И вообще, вы полковник чего?

– Телеви-и-идение! – изучив мое удостоверение, протянул Червяченко вне прямой связи с моим вопросом.

Он скорчил гримасу отвращения и вернул мне красную книжицу, держа ее за уголок двумя пальцами, как дохлую мышь.

– Да, телевидение! – с вызовом сказала я, снова начиная ершиться. – А что вы имеете против? Нет, не отвечайте, я и так знаю, почему ваши органы недолгобливают журналистов: мы тоже ведем расследования и зачастую гораздо более успешно. Молчите! Не возражайте мне, все равно не переубедите, у меня в вашем ведомстве есть пара добрых приятелей, мы с ними все время спорим на эту тему. Молчите, говорю! Лучше скажите, что случилось? Кого-то из соседей ограбили?

Конечно, об ограблении я подумала потому, что и в моей квартире кто-то побывал без спроса и разрешения, да еще ключ, застрявший в замке, наводил на мысль о том, что с ним что-то приключилось. Не с ключом – он все время был при мне, а с замком, в котором кто-то вполне мог поковыряться. Помнится, в милые сердцу школьные годы мои одноклассники заталкивали в замочные скважины запертых кабинетов спички и монетки, чтобы заблокировать механизм замка и сорвать урок.

– Почему обязательно ограбили? – ухватился за мои слова оживившийся полковник.

Подумав секундочку, я не стала пересказывать ему ход своих мыслей. Я подозревала, что несанкционированное проникновение неизвестного лица или группы лиц в мою квартиру находится в одной связи с похищением Ирки и поисками неведомого добра, а в таком случае мне следовало избегать контактов с правоохранительными органами. Не дай бог, похитители решат, что я нарушила их запрет, обратилась в милицию, еще выполнят свою угрозу и навредят моей Ирке! Нет уж, никому ничего не скажу. Лучше, наоборот, натрясу информации из полковника.

– А теперь вы покажите мне свои документы, – потребовала я.

Вместо красной книжечки удостоверения Червяченко протянул мне маленькую карточку.

– «Ваш участковый уполномоченный милиции – Бондарь Семен Иванович», – прочитала я.

Перевернула карточку – там были ФИО и служебные телефоны начальника окружного УВД и ГУВД края. Правда, никто из них не носил фамилию Червяченко. Видно, мой собеседник исполнял роль посыльного. Такой полковник на побегушках!

– Это мне зачем? – удивилась я.

– Информация к сведению. Вдруг пригодится? Я в каждую квартиру такую визитку отдаю.

– Ну, ладно, так уж и быть, я готова поверить, что вы не жулик, – смилостивилась я.

– Тогда я верю, что вы не домушница, – сказал полковник, смешно подергав гусеницами. – Давайте, помогите вам с ключом.

Я склонна думать, что у мужчин взаимопонимание с элементарными механизмами налажено гораздо лучше, чем у женщин. Наверное, эти простые устройства – я имею в виду, механизмы и мужчины, – чувствуют друг друга на каком-то субмолекулярном уровне. А женщины со свойственными им непредсказуемостью и многовариантностью поступков вызывают у примитивных механизмов (мужчин, дверных замков и так далее) что-то вроде классовой вражды, выражением которой становятся забастовки и бунты. Вот и сейчас, стоило только настоящему полковнику протянуть руку к замку, как ключ чуть ли не сам выпрыгнул из скважины в подставленную ладонь.

– Спасибо, – забрав у Червяченко ключик, вежливо сказала я.

При этом не удержалась и покосилась на дядьку с подозрением: может, это он тут у нас медвежатник?

– Не за что, – тряхнул гусеницами полковник.

В этот момент бесшумно открылась дверь квартиры Куропаткиных, и на лестничную площадку выступила Марина, и без того нескладная фигура которой была перекошена под тяжестью большого ведра. Емкость была накрыта крышкой, но это нисколько не мешало догадаться о ее содержимом. Ведро распространяло характерный запах хорошо выдержанных кухонных отходов, такой концентрированный, что крысы, тараканы, грифоны и гиены должны были начать массированное наступление на квартиру Куропаткиных уже несколько часов назад.

– Ну, мне пора, – полковник скривил физиономию, и мохнатые червячки усов сделались досадно несимметричны.

– Мне тоже, – поспешила заметить я, вздергивая на спину рюкзачок.

Марина обволокла нас одним липким взглядом, насмешливо хмыкнула и всей своей буратинистой наружностью выразила оскорбительное неверие в случайность и невинный характер нашей с полковником встречи.

– Вот дрянь, – прошептала я.

– Это не дрянь, это помой! – объявила Марина, в подтверждение сказанного снимая с ведра крышку.

Зловонное месиво могло вызвать активное выделение желудочного сока у голодного стервятника. У меня тоже началось слюноотделение, но лишь как предвестник скорого и острого приступа морской болезни. Почувствовав дурноту, я оперлась рукой о стену.

– Кстати, о мусоре! – нарочито твердым голосом произнес мужественный полковник. – Возьмите, гражданочка, визитную карточку вашего участкового уполномоченного милиции. Обращайтесь, если что.

И, сунув в карман халата мадам Куропаткиной картонный прямоугольничек карточки, господин Червяченко так легко вспорхнул по лестнице на следующий этаж, словно его дрессированные гусеницы мгновенно превратились в бабочек особо высокой грузоподъемности.

Фыркнув повторно, Марина накрыла вонючее ведро просторным пакетом из прочного пластика и перевернула его. Мусор с противным шуршанием и журчанием перевалился в пакет, а мой желудок сделал попытку выскочить через горло. Невозмутимая Марина, у которой, похоже, напрочь отсутствовали всякие рецепторы в носу, завязала горловину мусорного пакета узлом и понесла освободившееся ведро в квартиру. Пакет с гадостью остался лежать посреди площадки, но задержался там ненадолго.

– Опять дерьмища под дверь навалили, сволочи! – заревел в своей берлоге Дядьвась, катастрофически нетрезвый с раннего утра.

Дверь квартиры Дунькиных широко распахнулась, придавив меня к стене и скрыв от моих глаз дальнейшие события, суть и ход которых я некоторое время представляла по слуху.

– Колдуны проклятые, извести меня хотите? – проорал Дядьвась. – А хрен вам! Нате, выкусите!

Плюх! Нога бодрого старца Дунькина с сочным звуком впечаталась в податливый бок свертка с мусором, из чего я сделала вывод, что выкусить обещанный им хрен проклятые колдуны должны были непосредственно из пакета, причем в момент его непродолжительного, но эффектного полета со второго этажа – через открытое окно на площадке, над угольно-черным телом мирно спящего на бетонном козырьке кота Тимони, сквозь редкий виноградник, мимо уха дворничихи Лизы и, наконец, на капот новехонькой «Вольво-S-40» цвета бордо, моментально превратившегося в цвет бурды.

Протестующе заревела оскорбленная в лучших чувствах автомобильная сигнализация «Набат» – тут я подвинула дверь, чтобы задействовать зрение, и увидела, как пробудившийся Тимоня в панике влетел с козырька в подъезд и помчался вверх по лестнице, прижав к башке рваные уши и оскалив пасть в беззвучном крике.

– Сгинь, нечисть! – выкрикнул суеверный Дядьвась, поспешно уводя с пути Тимони большую часть своего пьяного организма, за исключением одной ноги, которая должна была отфутболить черного кота куда подальше и отчасти выполнила свою миссию.

Тимоня, которого пинок, пришедшийся по касательной, лишь сбил с курса, влетел в открытую дверь квартиры Куропаткиных, и оттуда сразу же послышались шум падающей мелкой мебели и истошный женский визг.

С верхней площадки орлом слетел бравый полковник Червяченко – и тоже напрямиком в куропаткинскую дверь!

– Ах, мерзавец! – с чувством обругала Марина то ли кота Тимоню, то ли полковника.

– Стой, стрелять буду! – донесся до меня полковничий рык.

– Так их, вурдалаков! – с энтузиазмом проорал неугомонный Дядьвась. – Серебряными пулями, пли!

– Ополоумели, придурки?! – взвыла Марина Куропаткина. – Какая стрельба? Он в люстру сиганул!

Поскольку вообразить себе усатого полковника, с разбегу прыгающего на осветительный прибор, мне было трудновато, я решила, что речь идет все-таки о Тимоне.

– Не смей стрелять! Это люстра из божьего хрусталя! – в режиме истошного крика проинформировала нас Марина.

– А насрать мне на твою хрустальную люстру! – весело возвестил азартный Дунькин.

Этот процесс я также затруднилась себе представить.

Бешеный мяв вперемежку с громкой мужской руганью заглушил визгливые крики Марины, и секундой позже из дверного проема белкой-летягой на приличной высоте вынесся Тимоня. Он пролетел мимо моего плеча, а следом за ним стройным птичьим клином просвистели эмалированная миска, диванная подушечка-думка и одинокий резиновый шлепанец. Превосходная аэродинамическая форма миски вывела ее в лидеры воздушной гонки и позволила даже опередить Тимоню, который камнем ухнул с козырька в жасминовый куст, в то время как летающая тарелка врубилась точнехонько в руины мусора на капоте «Вольво» и подарила второе дыхание притомившейся сигнализации.

Удержавшись от того, чтобы тоже сигануть в окошко, я сбежала по лестнице во двор. Эпицентр скандала переместился к изгаженной бордовой «Вольво», возле которой приседал и взмахивал руками какой-то мужик, красномордый и огнедышащий, – вероятно, владелец авто. Я бы посмотрела на его занятные телодвижения подольше, но меня подвинула с крыльца Марина Куропаткина. С абсолютно непроницаемой физиономией, заставившей меня вспомнить любимым мебельщиками термин «дерево твердых пород», она проследовала к «Вольво» с веником, совком и пустым ведром, в которое деловито собрала свой мусор. На это мне было уже совсем неинтересно смотреть, и я свернула за угол дома, направляясь на троллейбусную остановку.

На работу я со всем этим цирком, разумеется, опоздала. Вошла в редакторскую, когда часы показывали половину десятого утра и большая часть нашего народа уже разбежалась по боевым постам. В просторной комнате, тесно заставленной письменными столами, находились трое: дежурный редактор Юрик, мой напарник – оператор Вадик и белокурый юноша Лаврентий Листьев по прозвищу Лавровый Лист. Я, впрочем, назвала бы его не лавровым, а баннным листом, потому что более прилипчивого и неотвязного существа никогда не встречала.

Лаврик, самовольно присвоивший себе звание внештатного корреспондента, появлялся в телекомпании примерно раз в неделю и всякий раз приносил какую-то нездоровую сенсацию.

– Всем привет! – громко сказала я, проходя к своему столу мимо гостевого дивана, по большей части занятого длинным телом Вадика.

Тело пошевелилось и выбросило одну руку на манер шлагбаума, преградив мне путь.

– Для головы что-нибудь есть? – хрипло спросил Вадик.

– Только лак для волос, – ответила я, обходя препятствие. – Стоит на полочке у зеркала.

Лысый, как колено, Юрик при упоминании средства для укладки волос болезненно поморщился и громко произнес, явно желая сменить тему:

– Ты опоздала на два часа.

– Какие два часа? – удивилась я. – У нас рабочий день начинается только в девять!

– У нас-то в девять, – Юрик кивнул и недобро улыбнулся. – Но ты с сегодняшнего дня работаешь уже не у нас!

– Меня уволили? – безмерно удивившись, я с размаху села на диван, забыв, что там валяется оператор.

Придавленный Вадик издал возглас негодования и дернул ногой, сбросив меня на пол.

Лаврик Листьев разинул рот, но не успел ничего сказать.

– Да нет, не уволили, – с явным сожалением сказал противный Юрик. – Просто продали.

– Я бы сказал, сдали в аренду, – уточнил Вадик, поджимая ноги, чтобы освободить мне кусочек дивана.

– Я не поняла, наша дирекция открыла пункт проката журналистов? – спросила я, поднимаясь с пола и снова усаживаясь на диван.

Ехидно усмехаясь, Юрик вкратце пересказал мне события пятничного вечера, которые я пропустила, потому что уезжала к Колянну и Колюшке на море и ушла с работы сразу после обеда. Оказывается, ближе к вечеру наш директор Алексей Иванович нашел блестящее решение проблемы, которая занимала и донимала всю нашу редакцию уже месяца полтора. За это время трое из четверых имеющихся в компании журналистов один за другим попробовали себя в написании сценария получасового презентационного фильма, призванного в наилучшем виде представить деятельность телекоммуникационной компании, названной просто и без затей – «ТелекомКом».

Наверное, именно это нелепое, с точки зрения филолога, название предопределило судьбу нашего сотрудничества с данной компанией: раз за разом сценарные «блины» выходили комом. Руководство «ТелекомКома» забраковало все три варианта, мотивируя это тем, что авторы «недостаточно прониклись духом компании». Я лично духом «ТелекомКома» пока не дышала, но обеспеченная заказчиком стопроцентная предоплата наших телевизионных услуг не позволяла мне надеяться, что это чаша меня минует. Рано или поздно, но меня тоже ждал «ТелекомКом».

Он ждал – и дождался! В рамках достигнутого в пятницу кулуарного соглашения между телекомкомовским и нашим руководством я должна была с сегодняшнего дня прибыть в распоряжение начальника рекламно-информационного отдела компании связистов. Гениальная задумка нашего Алексея Ивановича, горячо одобренная телекоммуникационным начальством, заключалась в том, чтобы внедрить меня в РИО под видом штатного сотрудника и таким обра-

зом предоставить мне возможность полной грудью вдохнуть неповторимую атмосферу «ТелекомКома».

– А зарплату они мне платить будут? – без особой надежды поинтересовалась я. – Или я буду редактировать и даже сочинять увлекательные тексты об оптоволоконных кабелях, распределительных коробках и герметизированных муфтах за просто так?

– Не за просто так, а за свою обычную зарплату штатного сотрудника нашей телекомпании, – поправил меня Юрик.

– Наш пострел везде поспел, – прокомментировал Вадик.

– Слуга двух господ, – кивнула я и невидящим взором посмотрела на Лаврика, который открывал рот, как выброшенная на сушу рыбина, явно ожидая возможности заговорить.

Мысленно я прикидывала, не смогу ли я извлечь какую-нибудь выгоду из имеющегося расклада.

Если я не буду в этом «ТелекомКоме» особенно перетруждаться – а я не буду, потому что не обязана пахать задаром на чужого дядю, – то у меня будет больше времени на то, чтобы разобраться со странной и откровенно тревожащей меня историей с похищением Ирки.

– И когда я должна приступить к новой работе? – спросила я Юрика, приняв решение.

– Говорю тебе: два часа назад! – Юрик постучал крепким ногтем по циферблату наручных часов. – В «ТелекомКоме» работают с восьми утра.

– Ты хочешь сказать, что я должна буду ходить на работу к восьми утра?! – ужаснулась я. – А просыпаться, стало быть, мне придется в семь?!

– В шесть тридцать, – широко зевнул Вадик. – Эта контора находится в самом конце Новокубанской, аж на въезде в Пионерский. По моим прикидкам, от твоего дома туда ехать час, не меньше.

– Чудесно! – нелогично обрадовалась я.

Однако все очень удачно складывается: это от моего дома до конца Новокубанской ехать целый час, а от Иркиного, в Пионерском-2, при желании минут за тридцать можно дойти пешком.

– Скажите, пожалуйста, а надолго меня откомандировали? – спросила я, уже стоя в дверях.

– На неделю.

– Отлично! Пока! – решив, что за неделю я, пожалуй, все проблемы утрясу, я вышла из редакторской, весело напевая.

– Елена, подождите, пожалуйста! – Лавровый Лист ожил и бросился за мной вдогонку.

– Лаврик, я очень спешу! – взмолилась я. – У меня уже два часа, как рабочий день начался!

– Я вас не задержу, – пообещал Лаврик и крепко схватился за хлястик на кармане моего рюкзака.

– Отцепись, – попросила я, не прекращая движения. – А то мы с тобой похожи на слониху-мать и слоненка, цепляющегося за ее хвост.

– Я только на минуточку! – взмолился Лаврик. – У меня сенсация, настоящая информационная бомба!

– Знаю я твою минуточку, – проворчала я, вынужденно останавливаясь.

Не хотелось мне загреть с крутой лестницы с рюкзаком на спине и Лавриком на буксире!

– И сенсации твои я тоже знаю, – добавила я.

Впервые сей юноша бледный со взором горящим – Лавровый Лист – появился у нас прошлым летом. Маниакально блестя голубыми очами, нервно-вздохмаченный и захлебывающийся восклицательными междометиями, Лаврик выдал суперновость: на окраине города, в чистом поле, лежит разбитый пассажирский самолет!

Сразу две наши съемочные группы стартовали в указанном направлении, даже не дослушав Лавриково сенсационное сообщение. Третья группа – мы с Вадиком – задержалась только для того, чтобы узнать у жадно хлебающего минералку Лаврика, известно ли ему что-нибудь о жертвах авиакатастрофы. Лаврик на этот вопрос отвечал уклончиво и все больше норовил многословно описывать чувства, которые он испытал при виде рваных кусков металла, ослепительно сияющих в лучах полуденного солнца. А потом прямо с набережной позвонила моя коллега Наташа, попросившая нас с Вадиком никуда не спешить и задержать до ее возвращения брехуна Лаврика. Оказалось, что «потерпевший катастрофу авиалайнер» – это аккуратно разрезанный на части списанный самолет, чин-чином подготовленный владельцем – компанией «Аэролайн» к отправке в пункт приема цветных металлов. Лаврика прогнали взащей и наказали забыть дорогу в телекомпанию раз и навсегда.

Как бы не так! Лавровый Лист прибежал к нам с тех пор регулярно, примерно раз в неделю, обычно по понедельникам. Подозреваю, что в другие дни он посещал иные студии и редакции бульварных газет, которых у нас достаточно много.

– Вы хоть взгляните, какое чудо! Ну, Еленочка, ну, посмотрите, что вам стоит! – заканючил Лаврик.

Я обреченно вздохнула.

Оценив этот мой вздох абсолютно правильно, Лавровый Лист осторожно поднял с пола не замеченную мной пластиковую дырчатую торбочку, дожидавшуюся момента демонстрации под банкеткой в коридоре.

– Вот, – с гордостью сказал Лаврик. – Это моя сенсация!

Я заглянула в пластиковую кошелку и увидела непонятный меховой комок, больше всего похожий на валик для окраски стен, уже использовавшийся по прямому назначению и потому помятый и клочковатый. Лаврик поспешно запустил руку в торбу и вытащил из нее сонно моргающего полосатого котенка с довольно длинной шерсткой, наводящей на мысль о дальнем родстве с персидскими кошками.

– Самый обыкновенный уличный Васька, возможно, незаконнорожденный перс по одной из родительских линий, – заметила я. – Или «Сенсация» – это его второе имя?

– Совсе даже не обыкновенный! – обиделся Лаврик. – Это же единственный известный представитель породы шейно-волосатых или гривастых кошек! Да вы сами посмотрите, какая у него грива! Вы видели что-нибудь подобное?

Я присмотрелась к воротнику из особенно длинных белых волос, окружающих кошачью мордочку, ставшую похожей на сердцевину ромашки или хризантемы.

– Видела, конечно! Такую куафюру из искусственных нарощенных волос можно соорудить в каждом парикмахерском салоне!

– Совсе и не в каждом! – с жаром возразил Лаврик. – Только в специальной парикмахерской для животных, и то по знакомству!

Тут Лавровый Лист сообразил, что проговорился, и его гладкие и крепкие, как яблочки, щечки покрылись пятнами свекольного румянца.

– Спроворили вдвоем с подружкой дворовой кисе оригинальную прическу – и думали выдать своего зверька за новое четвероногое чудо? Совести у вас нет, молодой человек! – заключила я, решительно отодвигая беспринципного Лаврика со своего пути. – Врушка-Лаврушка! Сгинь с глаз моих, чтобы я тебя больше не видела.

– Ну и ладно! – выкрикнул мне вслед разобиженный Лавровый Лист. – Подумаешь! Не хотите сенсаций – и не надо! Вам же хуже будет, проиграете в конкурентной борьбе с желтой прессой! Между прочим, в «Живем!» мою информацию с руками отрывают!

– Жалко, что не с головой! – проворчала я.

«Живем!» – это популярная газета, желтая, как греческий лимон. В ее редакции действительно очень любят всяческие сенсации, по большей части высосанные из пальца. Редак-

ция «Живем!» находится в одном здании с нашей телекомпанией, этажом ниже, так что Лаврику с его кошкой-ромашкой за признанием недалеко идти. Думаю, в одном из ближайших выпусков газеты появится полоса с портретной фотографией Лаврикова котика и убойным материалом под интригующим названием вроде: «Гривастые кошки: кто они?» В подзаголовке будет сообщено, что ученые спорят, является ли гривастая кубанская кошка тупиковой ветвью эволюции кошачьих, промежуточным звеном между львами и тиграми, или же это странное существо появилось в результате мутаций, вызванных техногенными факторами. В подверстке обязательно будет нарочито бесстрастный перечень тех самых факторов, способствующих рождению двухголовых телят, плешивых соболей нехарактерного пятнистого окраса и кошек с блондинистыми гривами сивых кобыл. Между прочим, проскользнет мысль о том, что деятельность Чернореченского химического завода наверняка не столь экологически чиста, как это хотят представить владельцы предприятия (список основных акционеров прилагается), и какой-нибудь депутат Законодательного собрания края воспользуется возможностью еще раз высказаться против строительства в крае АЭС... В общем, при грамотной раскрутке Лаврушкин длинногривый питомец может в короткий срок прославиться не меньше, чем клонированная овечка Долли, и занять достойное место в пантеоне монстриков, в одном ряду с гремлинами и Чебурашкой!

Размышляя подобным образом, я ехала устраиваться на работу в «ТелекомКом».

Несмотря на мое опоздание, встретили меня там очень тепло. Вручая мне анкету, которую я должна была заполнить, начальница отдела кадров жмурилась, как разомлевшая на солнце пекарь кошка, породы «гривасто-химически-завитая». У меня сложилось впечатление, что эта любезная дама заговорщицки мне подмигивала – вероятно, намекала, что знает о том, что я не настоящий соискатель места, а разведчица с телевидения. Впрочем, возможно, что у кадровички просто был нервный тик. Очень скоро я поняла, что у моих новых коллег в массе своей с психикой серьезные нелады. Особенно плохо обстояли дела с душевным здоровьем у сотрудников рекламно-информационного отдела, в который меня и направили.

– Вы наш новый редактор? Боже, какое счастье! – восторженно вскричала начальница рекламщиков, едва я сделала сдержанный книксен на пороге ее красивого кабинета с евроремонтом и дорогой мебелью.

Немного удивившись тому, что сделала кого-то счастливым своим появлением, я не стала сопротивляться, когда начальница поволокла меня в отдел. Вдобавок я разомлела от уличной жары и, оказавшись в кондиционированном помещении, чувствовала себя подтаявшим пломбиром, проходящим курс реабилитации в морозилке. Нормальную форму я еще не обрела.

Начальница – хрупкая женщина в строгом брючном костюме – была ниже меня ростом, но гораздо энергичнее, и со стороны мы с ней должны были выглядеть, как маленький целеустремленный муравей и обморочно обмякшая куколка. Это зрелище вызвало улыбки на лицах аборигенов рекламного отдела, однако всякие следы веселья испарились с их физиономий, когда начальница прямо с порога кабинета радостно провозгласила:

– Друзья мои! У нас снова есть редактор!

– Опя-ать? — тихо простонала одна из двух девиц.

– Со святыми упокой, – прошептала вторая барышня, посмотрев на меня с жалостью.

Я подавила закономерное желание спросить, какая судьба постигла предыдущего редактора или редакторов, и приветливо улыбнулась.

– Ваше рабочее место там, – показала начальница, демократично представившаяся мне как «просто Мария». – Прощу! Мы вам очень рады и создадим вам самые благоприятные условия.

Часа через полтора я поняла, что мне создали самые благоприятные условия для потери аппетита, хорошего настроения и вообще рассудка. Самым первым и весьма ответственным

ным заданием, порученным мне как редактору, было сочинение оригинальных поздравлений десяти именинникам и юбилярам. Каждое поздравление должно было быть особенным, при этом требовалось соблюсти общий стиль.

Проанализировав три дюжины образчиков, выданных мне предусмотрительной Марией, я обнаружила, что поздравления пишутся по общей схеме. Во-первых, следовало назвать именинника (юбиляра) уважаемым и по имени-отчеству, а затем убедительно просить его принять искренние (теплые, сердечные) поздравления с днем рождения (юбилеем) от всего коллектива «ТелекомКома». Потом нужно было отметить большой вклад именинника (юбиляра) в дело, которому он служит, – не имея ни малейшего представления о том, что это за дело такое! После этого полагалось высоко оценить человеческие качества героя торжества и переходить непосредственно к пожеланиям. Тут приветствовался витиеватый стиль и выражения типа: «ощущение абсолютного здоровья», «победоносное движение в будущее» и «неиссякаемый творческий потенциал».

Мой собственный творческий потенциал иссяк минут через сорок. Где-то на пятой или шестой «поздравлялке» я обнаружила, что в пожеланиях пошла по второму кругу. Кроме того, меня посетило близкое к сумасшествию ощущение, будто я разговариваю с манекенами в витрине магазина: все именинники, без различия возраста и пола, сделались в моем воображении однойцевыми близнецами, в равной степени наделенными однообразными достоинствами. В комплект обязательных добродетелей входили высокий профессионализм, фантастическое трудолюбие, а также сила воли и упорство в достижении цели, парадоксально сочетающиеся с редкой добротой, поразительной чуткостью и чувством юмора, причем последнее непременно было искрометным – хоть спички зажигай!

Застопорившись на сочинении шестой «поздравлялки», я жалобно попросила у коллег гуманитарной помощи в виде чашечки кофе, получила ее и вылебала горячий напиток в два приема, однако это несколько не стимулировало мою умственную деятельность. Не дала освежающего эффекта и холодная пепси, налитая мне сердобольной девушкой Катей, занятой на конвейерно-поточной сборке полуфабрикатных флажков с фирменной символикой.

Оглядевшись по сторонам – не смотрит ли кто на меня? – я отодвинула в сторону компьютерную клавиатуру и несколько раз аккуратно стукнулась головой о столешницу. Камера видеонаблюдения над входной дверью с готовностью развернулась в мою сторону. Я придурковато подмигнула заинтересованно поблескивающему объективу и сказала:

– Эврика!

– С «Эврикой» мы уже не работаем, – не прекращая производство флажков, откликнулась замордованная тупой работой Катя. – Они запероли нам печать последнего буклета.

Я внимательно посмотрела на девушку, но не стала объяснять, что мое восклицание не имеет никакого отношения к одноименной типографии. «Эврика!» я вскричала потому, что придумала, как внести в свою работу по сочинению поздравлений свежую струю. Очень просто: буду пытаться представить себе человека, к которому обращаюсь!

Ну, кто у меня на очереди? Я посмотрела в бумажку со списком именинников. Шестым номером шел некий Кузьма Абрамович Чернорученко, и небанальное сочетание имени, отчества и фамилии на некоторое время выбило меня из колеи. Неведомый Кузьма Абрамович, банкир полных пятидесяти лет, виделся мне маленьким лысым живчиком с большим семитским носом, сливовыми глазами и лихим казачьим чубом, завитым спиралью на манер пейса. Облаченный в рязанскую вышитую косоворотку, Кузьма Абрамович наяривал на гармонике «Хава нагила» и подрагивающим в такт музыке подбородком указывал на шляпу с логотипом своего банка, призывая меня сделать денежный вклад в этот головной убор.

Я преодолела порыв достать кошелек и потрясла головой, выбрасывая из нее зримый образ гибридного славяно-еврейского банкира. Пропущу-ка я, пожалуй, господина Чернорученко. Кто там следующий?

Седьмым в списке числился Федор Федорович Быков, директор оптовой продовольственной базы. Я почесала в затылке. У меня лично был только один знакомый Федя – хулиганистый одноклассник, жизненный путь которого я наблюдала пунктирно: «волчий билет» в восьмом классе – ПТУ – армия – вещевого рынок – зона – снова рынок – снова зона и потом как-то вдруг – частная сеть дорогих магазинов. Один Федя закономерно проассоциировался с другим, и директор базы Быков представился мне здоровенным мордоротом с забритой под машинку низколобой головой и толстой красной шеей, зажатой тугим воротником белой сорочки. Господи, да какое поздравление можно написать такому типу? «Федя, кореш, чисто с юбилеем тебя, в натуре!»

Идея с олицетворением адресатов позорно провалилась. Что бы еще придумать? Я порылась в сумке, нашла завалившийся в складках огрызок маленькой шоколадки и слопала его вместе с неопределенного происхождения крошками и обрывком станиоля. Мозги, получившие допинг, заработали – неохотно, как проржавевший механизм, и с жутким скрежетом.

– У вас телефончик звонит, – видя, что я игнорирую раздражающий звук, подсказала мне Катя.

Оказывается, скрежет издавали не шестеренки в моей черепной коробке, а мобильник, в режиме вибрации гигантским тараканом сноровисто ползущий по ламинированной столешнице. Я перехватила жужжащее «насекомое» на пути в корзину для бумаг и поднесла к уху.

– Кыся, привет! – весело закричал мой муж. – Как ты там?

– Нормально, – буркнула я.

Катя посмотрела на меня с откровенным сомнением.

– Чего звонишь? – недружелюбно спросила я супруга, отрывающего меня от значительной и важной работы по восстановлению нормальных параметров творческого потенциала.

– Кыся, я тут подсчитал на досуге и обнаружил, что моя последняя статья в «Мире компьютеров» – уже двадцатая! Это же юбилей получается! Поздравь меня!

Я тихо зарычала. Коллеги отклеили заинтересованные взгляды от мониторов и прилепили их ко мне.

– Ну, что ты молчишь? – теребил меня Колян.

– Уважаемый муж! Примите искренние поздравления с Вашим юбилеем от всего коллектива нашей семьи! – провозгласила я, сбиваясь на угрожающее рычание. – Вы вносите значительный вклад в важное и нужное дело ознакомления компьютерных пользователей с новинками открытого программного обеспечения! Двадцатая статья – это рубеж, когда отшлифованные за годы активной работы навыки специалиста умножаются на присущие Вам прекрасные человеческие качества – природную доброту, отзывчивость, сердечность! От всей души желаем Вам ни в коем случае не подводить итогов, сохранять бодрость, оптимизм, хороший аппетит и крепкий сон! Ура!!!

– Сдохнуть можно! – восхищенно прошептала Катя.

– Аминь! – донесся из угла ехидный голос дизайнера Коки, которого я еще не успела толком разглядеть, так как его закрывал огромный монитор.

– Кыся, ты не заболела? – после паузы встревоженно спросил Колян.

– Я абсолютно здорова! – рявкнула я.

Выключила трубку и обвела тяжелым взглядом коллег, которые тактично удержались от того, чтобы озвучить свои соображения и комментарии.

– Возьми, это тебе! – Катя потянулась через проход, разделяющий наши столы, и поставила передо мной маленький телефончик из мягкой резины.

– Катюша, – сказала я сначала тихо, а потом все повышая голос. – Я понимаю, что должна казаться совершенной идиоткой, причем буйно помешанной, но неужели я буду выглядеть более нормально, если начну вести разговоры по игрушечному телефону?!

– А прикольно будет! – оживился Кока, высовываясь из-за своего монитора.

– Не дождетесь, – твердо сказала я.

– Не надо по нему звонить, это не телефон, а стресс-бол: такая штука для снятия нервного напряжения, – мягко пояснила Катя. – Его можно тискать в руке или швырять об пол.

– Помогает?

– Мне – нет! – сообщил Кока. – Я бы предпочел стресс-бол в человеческом облике, такую большую резиновую куклу с набором масок по числу сотрудников компании!

– Две с лишним тысячи оригинальных масок? Полноцветных, на картоне, с вырезкой? – профессионально заинтересовалась Катя. – Если печатать в типографии, это будет стоить жутких денег!

И милая девушка с готовностью потянулась за калькулятором.

Дизайнер Кока демонически захохотал и рухнул на клавиатуру. Я подняла правую руку с указательным перстом, приготовленным для вращения у виска, но в последний момент проявила деликатность и просто поправила завиток волос над ухом.

– Лично я обычно втыкаю в эту штуку кнопки и булавки, – хищно улыбнувшись, сообщила мне незаметно подошедшая Мария.

– Помогает? – повторила я.

– С каждым днем все меньше, но я уже приготовила отличное бритвенное лезвие! – Мария мечтательно прищурилась, очевидно, воображая, как она будет пластать острым лезвием несчастный телефончик, превращая его в нарезку-ассорти.

Сказать, что к концу первого своего рабочего дня в «ТелекомКоме» я одурела – значило ничего не сказать. У меня жутко болела голова, а перед глазами, стоило только их закрыть, заплясали маленькие изумрудные человечки – все, как один, в конусообразных картонных шапочках, с пищалками, хлопушками и кусками жирного именинного пирога, которыми зеленые поганцы норовили запустить прямо в меня. Задремав в маршрутке по пути домой, я нервно вздрагивала.

Окончательно одурев, я перепутала маршрутки: села в машину, следующую в сторону моего собственного дома, а вовсе не в Пионерский, как я планировала ранее. Очнувшись, когда поворачивать было уже поздно, и решила сначала немного отдохнуть в родных пенатах, а уже потом – вечером, когда спадет жара, – потихоньку двигаться в Пионерский. На тот случай, если там объявился кто-нибудь из хозяев – Моржик или Ирка, – я из квартиры позвонила приятелям на домашний телефон. Никто мне не ответил. Я с сочувствием подумала о Томке, вероятно, страдающем от голода и жажды, повесила трубку, и тут телефон ожил по собственной инициативе.

Звонил Пискля, которому хотелось знать, увенчались ли успехом мои поиски неведомого «добра». Я злобно гаркнула: «Нет», и мерзавчик противным голосом посоветовал мне наведаться к почтовому ящику.

Бросив трубку на обувницу, я сгоняла на первый этаж, сквозь небольшую толпу каких-то граждан и гражданок протолкалась к ящику и вынула из него вторую пшеничную косу с плодово-ягодной заколкой. Банда Писклявого полностью обкорнала Ирку!

– Убью скотину! – в бессильной ярости вскричала я, представив себе подружку с кошмарной стрижкой выздоравливающего тифозника. И гневно топнула ногой, наступив на щегольской дырчатый штиблет какого-то дядьки. Мужик ни единым словом не выразил своего неудовольствия, но посмотрел на меня так пристально, словно хотел запомнить в лицо.

Не обратив на это внимания, я взбежала по лестнице, хлопнула дверью и закричала в трубку:

– Послушай, ты! Прекрати играть в шарады! Хоть объясни по-человечески, что именно я должна найти!

– Ценность, – как-то неуверенно ответил Пискля. – Чужую, не принадлежащую твоей подруге.

– Какую ценность? Хоть размеры назови! Что мне искать, жемчужные зерна россыпью или слиток серебра размером с холодильник?

– Какой холодильник? – опешил Пискля.

– Двухкамерный «Самсунг»? – предположила я, машинально покосившись в сторону кухни.

– Ты что, нашла ничейный холодильник? – после паузы спросил Пискля.

Мне показалось, что на заднем плане в этот момент слышны были еще какие-то голоса, но заговоривший Пискля их заглушил.

– А что, скажешь, холодильник – это не ценность? – завелась я. – Хороший холодильник – он дорогого стоит! Впрочем, я не находила никаких бесхозных холодильников, – тут я снова покосилась на собственный морозильный агрегат, который вполне можно было назвать бесхозным, так как о его наполнении в отсутствие Колянов я совершенно не заботилась.

Пискля невнятно кашлянул.

– Минуточку! – сообразила вдруг я. – Ты что же, и сам не знаешь, чего хочешь? Не имеешь никакого представления о том, что я должна искать, точно? Я угадала?

В трубке опять послышалось приглушенное многоголосие.

– Ладно, будем откровенны: вы правы, мы не знаем, какую именно ценность прячет от нас ваша подруга, – Пискля вдруг перешел на «вы» и заговорил мужественным басом. – Однако это не меняет положения вещей: наш... гм... человек передал нам некое добро, которое ваша подруга бессовестно присвоила. Мы не знаем, что это такое, но очень хотим это получить. А ваша подруга отказывается с нами разговаривать...

– Не хочет говорить по-хорошему – заговорит по-плохому! – бас снова сорвался в писк.

Я догадалась, что у телефона собралась вся шайка и аппарат передают из рук в руки.

– Нет-нет, не надо по-плохому, – нарочито спокойно попросила я. – Я постараюсь найти это ваше добро, чем бы это ни было. А вы обещайте не причинять вреда Ирке.

– Я подумаю, – важно пообещал Пискля.

Тон нашей беседы, поначалу весьма агрессивный, как-то незаметно изменился и стал почти приятельским. Мы даже едва не пустились в обсуждение тарифов на мобильную связь! Как я поняла, эта тема Писклю живо интересовала. Во всяком случае, он озабоченно спросил, плачу ли я за входящие звонки или же это делают мои собеседники. Тема дороговизны сотовой связи возникла в связи с моей настоятельной просьбой впредь звонить мне не домой, а на мобилку. Выраженное нежелание Пискли нести материальные расходы меня неприятно удивило. Что это за банда такая жалкая мне досталась? Киднепинг они осуществляют с помощью общественного транспорта, на сотовую связь денег жалеют, а главаря, вообще, похоже, в пятом классе средней школы себе подобрали. Правильно, детки сейчас как раз на каникулах, какого-нибудь хулиганистого пацана вполне можно нанять в бандиты – за мороженое и билет в кино!

Впрочем, Ирку банда Писклявого все-таки похитила, так что недооценивать эту криминальную компанию не стоило.

Тут мне вдруг пришло в голову, что у меня нет никаких доказательств того, что Пискля и его команда действительно похитили Ирку. А не мешало бы чем-нибудь подтвердить честное бандитское слово! В следующий раз, когда мой писклявый приятель позвонит, потребую дать трубку Ирке.

А пока не полениюсь, перерою подружкин дом от подвала до крыши. Буду искать что-то такое, что обладает большой ценностью и, о чем я знаю, не принадлежит Ирке. Вообще говоря, под это определение прекрасно подходит Томка! Не собака, а чистое золото, причем не Иркино золото, а мое собственное! У Максимовых Том только квартирует, правда, так долго, что уже прижился, и искренне считает Ирку и ее мужа такими же законными хозяевами, как меня. А неплохо было бы всучить писклявому паршивцу в качестве выкупа за Ирку здоровенную зубастую овчарку!

Представив, как бандюги, алчно блестя глазами и потирая ладони в предвкушении наживы, развязывают бантик на горловине большого холщового мешка и из подарочной упаковки на оперативный простор вырывается мое полнозубое четвероногое, я мстительно хохотнула.

Желание полежать-отдохнуть у меня как-то само собой прошло, так что я была уже вполне готова стартовать в направлении Пионерского. Правда, желание чего-нибудь перекусить не только не прошло, но даже усилилось, но тут я мало чем могла себе помочь: в холодильнике было почти так же пусто, как у меня в желудке. Нет, в желудке был хотя бы желудочный сок!

Впрочем, морозильный агрегат тоже оказался не вполне безнадежен: в ячейке на дверце нашлась бутылочка с кетчупом. Считать острый томатный соус самодостаточным блюдом, конечно, нельзя, но если полить им какое-нибудь хлебобулочное изделие...

Я вовремя вспомнила про булочку, которую купила еще по дороге в «ТелекомКом», но забыла съесть, потому что сочинение «поздравлялок» надолго отбило у меня аппетит.

Теперь булка стодилась. Щедро полив ее кетчупом, я вышла из квартиры, чтобы мчаться в Пионерский.

Однако мчаться с места в карьер не получилось, потому что одновременно со мной на лестничную площадку важно выступила несносная Марина Куропаткина. Одета она была очень оригинально, но разностильно: в короткое шелковое кимоно, оставляющее открытыми костлявые колени, и резиновые калоши на босу ногу. Я остановилась, чтобы уступить дорогу противной бабе, а заодно рассмотреть ее получше.

Пользуясь терминологией наших видеомонтажеров, наружность Марины являла собой качественный «микс» праздничного и повседневного варианта. Жуткие калоши в пятнах нитрофоса свидетельствовали о принадлежности Марины к племени тружеников полей и огородов, кокетливая шелковая разлетайка поверх проглядывающих из-под нее застиранных трикотажных панталон говорила о желании принарядиться, на лице белела косметическая маска из каолина, а волосистая часть головы уже пребывала в торжественном убранстве. Судя по всему, мадам Куропаткина находилась на промежуточной стадии превращения из чудовища в красавицу. Интересно, для кого это Марина преобразается? Явно не для тех, с кем общается постоянно, иначе бы не вышла из квартиры в таком полуфабрикатном состоянии.

Вредная тетка прошла мимо меня, даже не кивнув. Может, она косметической глиной не только морду, но и глаза себе замазала? Ага, и рот тоже, так что теперь слепая и немая!

– Чтоб ты с лестницы свалилась! – шепотом пожелала я ей, не трогаясь с места.

Дождаясь, пока Марина уйдет подальше, я укусила политую кетчупом булку. Хм, не так плохо, как можно было подумать! Запить бы еще чем-нибудь, да не хочется возвращаться в квартиру.

Энергично чавкая, я перестала прислушиваться к звукам, сопровождающим перемещения Марины. Шуршание шелка и калошное шлепание затихли внизу. Неужто красавица-соседка в таком виде вышла в люди? Представляю себе реакцию прохожих на появление в их рядах дикого гибрида Чио-Чио-сан и Бабы-яги! Дети плачут и разбегаются, собаки заливаются лаем, а бомж, копошащийся в мусорном баке, молодежато приосанивается и приглашает Марину на фуршет у помойки!

Я ухмыльнулась и поскакала вниз по ступенькам.

Зачем меня понесло к почтовому ящику – я не знаю. Честно говоря, в этом жестяном скворечнике крайне редко бывают какие-то почтовые сообщения, потому что мы с Коляном, как цивилизованные люди, пользуемся современными средствами телекоммуникации. Тем не менее я постоянно заглядываю в ящик! Это неистребимая привычка, выработавшаяся еще в детстве, в период нетерпеливого ожидания очередного номера любимого журнала – сначала

это был «Мурзилка», потом «Костер», потом «Наука и жизнь» с новым фантастическим рассказом.

На сей раз поход к почтовому ящику «наградил» меня ужасиком.

В нашем подъезде ящики висят под лестницей, рядом со входом в подвал. Дверь в это помещение, чрезвычайно привлекательное для мальчишек, сексуально озабоченных граждан и бомжей, дополнительно усилена кустарно изготовленной решеткой из тонкой железной арматуры. Пара круто выгнутых штырей свидетельствует о попытке взлома и представляет определенную опасность. Однажды я по неосторожности до крови оцарапала о ржавый штырь локоть и потом всерьез опасалась, что могу заболеть столбняком! Памятуя об этом, я стараюсь держаться подальше от решетки, поближе к ящикам. Вот и на этот раз круто свернула и... со всего маху столкнулась с каким-то человеком! Или же это он сам неожиданно выпрыгнул на меня из-под лестницы? Мужчина это был или женщина – я не поняла. Кто-то высокий, крупный и гораздо тяжелее меня, судя по тому, что меня отбросило обратно на площадку, а на его (или ее?) стремительном движении к выходу из подъезда наше столкновение никак не сказалось.

Я шлепнулась на цементный пол подъезда, ударила головой о стену, но отключилась не сразу. Успела еще увидеть в темной нише под лестницей светлое кимоно, жутким образом повешенное на штырь, пронзивший тело Марины Куропаткиной.

«Куропатка на вертеле», – мелькнул еще в мозгу кошмарный каламбур, окончательно добивший мое сознание. В голове запели комарики, потом прозвенел звоночек, и стало тихо-тихо и темно-темно.

Уронив недоеденный бутерброд, я аккуратно улеглась под стеночкой.

– Девушка! Женщина! Дама! Гражданочка!

Озабоченный мужской голос настойчиво пробивался ко мне сквозь туманную мглу, но я его игнорировала.

– Уважаемая! – мужчина попробовал новое обращение.

В моей голове что-то громко щелкнуло, и я зашевелила губами, выговаривая самопроизвольно родившееся:

– Уважаемая Елена Ивановна! От всего нашего коллектива примите теплые и искренние поздравления с днем Вашего падения!

– Здорово же она башкой приложилась! – сочувственно заметил мужчина.

Я открыла глаза и с трудом сфокусировала взгляд на человеке, восседающем рядом со мной в позе отдыхающей жабы. Чувствовалось, что сидеть на корточках мужчине вполне удобно, так как большой живот обеспечивал ему устойчивое равновесие. Тело толстяка было упаковано в тесную милицейскую форму, и это помогло мне удержаться от крика: он залокотал в моей грудной клетке, едва я вспомнила ту жуткую фантазмагорию, которая повергла меня в глубокий обморок.

Скосив глаза мимо толстого милиционера, загораживающего мне обзор, я бросила полный ужаса взгляд на решетку подвала. Марины там уже не было, но торчащая пика была измазана чем-то красно-бурым, и пятна крови чернели на полу. Я вновь услышала предобморочный звон в ушах и прижалась лбом к холодному полу.

– Не крути башкой, у тебя, наверное, сотрясение, – сурово распорядился голос, который был мне давно и хорошо знаком.

Я открыла один глаз и кивнула, побудив поющих комариков закружиться:

– Серега! Ты что здесь делаешь?

– Работаю, – буркнул Лазарчук, бочком протискиваясь ко мне мимо дородного дяденьки-милиционера. – Как услышал, что по этому адресу имеется свежий женский труп, так сам напросился в группу. Честно говоря, я испугался, что труп – это ты.

– Нет, я не труп, а труп – не я, – объявила я очевидное. – Но все равно спасибо, что пришел. Ты уже вылечил свою ангину?

– Как трогательно, что вы беспокоитесь о товарище, находясь в таком состоянии! – умилился толстый мент. – Все хорошо, поберегите силы, сейчас вами займется «Скорая».

– Что с рукой? – озабоченно спросил Лазарчук, кивая на мою ладонь, густо испачканную красным. – Тебе больно?

– Больно, точно! Мне мучительно больно за бесцельно брошенную булку, – подтвердила я. – Отличный бутерброд с кетчупом пропал абсолютно зря. Лучше бы я его в нападавшего метнула, все больше пользы было бы: вы могли бы искать его по особой примете – следам томата в экстерьере!

– Ну-ка, ну-ка! Про нападающего давай подробнее! – велел капитан.

К сожалению, я мало что могла рассказать. Человека, который выскочил на меня из-под лестницы, я не разглядела, а мертвую Марину и вспоминать не хотела. Зато я могла поведать много интересного про Марину живую. В частности, я в подробностях пересказала Лазарчуку и толстому милиционеру (он оказался нашим участковым, тем самым Семеном Ивановичем Бондарем, визитку которого я получила не далее как вчера) давешний скандал с перелетным мусорным пакетом и предыдущий – с засохшей розой.

Беседовали мы уже у меня дома, потому что капитан заставил меня вернуться и лечь в постель. Так мы и общались: я возлежала на диване, а мужики притулились на табуреточках рядом. Голову мою туго охватывало мокрое полотенце, бахромистый край которого живописно свешивался мне на плечо, и чувствовала я себя ни много ни мало дамой полусвета, принимающей кавалеров в своем будуаре.

В режиме легкого салонного трепа я поведала ментам, что убить Марину Куропаткину запросто мог, например, ее собственный муж. Супруги жили, как классическая пара – кошка с собакой, все время ссорились и то и дело во всеуслышание заявляли о желании друг друга убить. Последнее такое программное заявление Гоша Куропаткин сделал как раз вчера! Правда, Марина тоже обещала пристукнуть родную половинку, даже сковородой размахивала, но Гоша мог оказаться проворнее. В смысле, опередить женушку в намерении овдоветь.

Также убийцей Марины легко мог оказаться психованный Дядьвась. Старец, помнится, выкрикивал что-то в этом духе. Мол, бей колдунов проклятых! А Марина, что и говорить, вполне могла сойти за ведьму.

Желание пристукнуть вредную бабу должно было возникнуть и у владельца новенького автомобиля «Вольво», на капот которого шваркнулся Маринин пакет с мусором. Вряд ли машина в результате сильно пострадала, разве что испачкалась сильно и приобрела нехарактерный для дорогой тачки аромат, но я знаю фанатичных автовладельцев, которые, не раздумывая, грохнули бы пару-тройку человек и за меньшую провинность.

В общем, отселить Марину Куропаткину в мир иной могли желать самые разные люди и даже звери – вспомним хотя бы нашего дворового кота Тимоню, которого злобная тетка давеча загнала на люстру.

– М-да, веселенькая картинка вырисовывается, – Лазарчук со вздохом поднялся с табуретки.

По его тону было понятно, что картинка совсем не веселая и вовсе она не вырисовывается. Надо полагать, огорчение капитана было вызвано довольно туманной перспективой поиска убийцы гражданки Куропаткиной. Грустный вздох Лазарчука не вызвал у меня жалости к суровой милицейской доле: ловить преступников – это Серегина работа. Я, например, занимаюсь поисками какого-то преступного добра вообще на общественных началах!

– Кстати, что там с Максимовыми? – словно подслушав мои мысли, спросил Лазарчук. – Они нашлись или нет?

– Нашлись, нашлись, – поспешила заверить его я. – Уехали вдвоем на курорт, сейчас отдыхают.

Мое беспардонное вранье преследовало благородную цель: не допустить вмешательства приятеля-мента в историю с исчезновением подруги Ирки и Моржика. Раз Серега вышел с больничного, значит, он теперь снова полноправный мент, а Пискалый мне строго-настрого наказал к ментам за помощью не обращаться. Не буду я ничего рассказывать Лазарчуку, попытаюсь разобраться сама.

Поэтому я ни словом не обмолвилась и о своем намерении мчаться в Пионерский сразу, как только озабоченный Серега и добродушный Семен Иванович отойдут от моего ложа.

– Ну, мы пойдем, а ты лежи, – наказал мне Лазарчук. – Если почувствуешь себя хуже, немедленно вызывай «Скорую». Я тебе попозже позвоню, чтобы узнать, как ты себя чувствуешь.

– Ладно, только звони на мобильный, – слабым голосом умирающего от недоедания попросила я.

– Ты куда-то собираешься? – моментально насторожился Лазарчук.

– Нет, что ты! – я вяло махнула рукой, на которой пугающе темнели пятна засохшего кетчупа. – Куда мне сейчас идти! Я буду безвылазно лежать в постели, поэтому не хочу вставать к телефону. Я его выключу, а мобильник поставлю в режим вибрации и положу под подушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.